НОЧНОЙ ГРОМ 2

МАКАРОВ
МАКСИМ

18+

Максим Макаров

Ночной Гром 2

«Автор»
2026

Макаров М.

Ночной Гром 2 / М. Макаров — «Автор», 2026

Полтора года назад Ночной Гром стёр с лица Москвы банду Московских Волков ценой крови своих бойцов он стал легализованной силой, стоящей выше городского управления. Но в руинах старого штаба война не закончилась, а сменила форму.На смену разбитым Волкам пришла «Гроза»: структура с уставом, серой формой и поддержкой мэрии. По телевизору редактор «Столицы» Гущин обещает «законный порядок вместо людей в масках» но за кадром взорванный жилой дом, проданные следователи и советник мэра Кравцов, дёргающий и СМИ, и силовиков. А за куклами стоит тот, кто, считалось, выпал в окно вместе со своим планом. Громов не исчез. Он копил.У Волка дроны Лесника, верные братья, документы Дарьи, способные разоблачить заговор, и одно правило: победа не выпрашивается у властей. Её берут сами. Среди своих ходит крыса, Громов собирает силы вдвое против одного, а Макс перед боем опускается на колено и делает Дарье предложение потому что после боя может быть поздно.

© Макаров М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Мертвая зона 5
Тень над руинами "Бывших Питерских" 20
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Максим Макаров
Ночной Гром 2

Мертвая зона

Полтора года назад Москва горела. Не в прямом смысле, а изнутри. Московские Волки думали что они смогут взять под контроль Москву. Они ошиблись и заплатили большую цену.

Серый - кормит червей, Громов - исчез буд-то его и не было никогда. Штаб Московских Волков превратился в руины, а власти города не спешили сносить. Журналисты писали шуточные заголовки "Штаб Московских Волков - теперь как гнилой зуб." Каждый кто проходил мимо штаба вспоминал что тут было.

На скамейках своё правило, свои законы.

- А помнишь, Валентина, как тут было-то? - Марья Петровна кивнула в сторону развалин штаба, поудобнее усаживаясь на скамейке. Сентябрьское солнце грело слабо, но бабушки всё равно выходили на свои лавочки привычка, выработанная десятилетиями. - Полтора года назад тут такое творилось… Я думала, светопреставление.

Валентина Степановна, повязав платок потуже, отмахнулась:

- Ещё бы не помнить. У меня Зинаида с третьего этажа как раз окно на ту сторону открывала так она всю ночь не спала. Говорит, сначала дроны в небе загудели, как шмели огромные, а потом взрывы, один за другим. Стёкла в доме дрожали.

- А я, дурёха, - подхватила Марья Петровна, - вышла на балкон посмотреть. Думаю, может, салют какой. А там огонь, дым столбами, стрельба… Я обратно в квартиру так юркнула, что тапки по коридору разлетелись. Думала, война.

Обе замолчали, поглядев на руины. Стена штаба Московских Волков, почерневшая от копоти, стояла как гнилой зуб журналисты, кстати, очень точно подметили. Городские власти так и не удосужились её снести. То ли денег не выделили, то ли намеренно оставили как напоминание.

- А я слышала, - понизила голос Валентина Степановна, - от Ниночки с пятого подъезда, у которой внук в полиции работает… Так вот, он рассказывал, что Волк этот он же не человек был в ту ночь. Глаза красные, как угли. Движениями такими двигался, что пули мимо летели. Десятерых за раз положил.

Марья Петровна покачала головой:

- Ну, Валентина, сказки-то не рассказывай. Красные глаза… Может, от усталости. Или от этих, как их, линз цветных. Молодёжь сейчас всякое носит.

- Да какие сказки! - возмутилась Валентина Степановна. - Мне Ниночка слово в слово передавала. Её внук сам на месте был, когда всё закончилось. Говорит, Волк одного за другим из окон повыкидывал, как чурбаки. А Серого этого, главаря ихнего, кастетом так приложил тот без сознания рухнул. И Громов этот, майор, тоже в окно улетел. В прямом смысле.

Марья Петровна задумчиво покачала ногой:

- Ишь ты… А ведь помнишь, как перед этим-то было? Серый со своими Волками полгорода держал. Бизнесменам дань плати, на улицу вечером не выйди. У меня Люська, дочка, с работы после девяти возвращалась я каждый раз на кухне сидела, пока не позвонит. Сердце колотилось.

- А сейчас-то? — Валентина Степановна обвела рукой улицу, по которой неспешно прогуливались прохожие. - Люська твоя в десять возвращается, и ты спишь спокойно. Потому что Волк порядок навёл.

- Это точно, - согласилась Марья Петровна. - Патрули ихние в чёрных куртках ходят я сначала боялась их, честно. Думаю, новая банда. А потом вижу парни вежливые, здороваются. Один раз помогли мне сумки донести до подъезда. Говорят, «бабушка, вы осторожнее, лёд». Я чуть не расплакалась.

Валентина Степановна вздохнула:

- А сколько людей-то полегло… Гриша этот, говорят, последнюю гранату к себе прижал, чтобы врагов с собой унести. И Илья молодой совсем был. Группа его в засаду попала, вся полегла. Волк, когда узнал, чуть с ума не сошёл. Глаза, говорит, так и вспыхнули. За каждого павшего брата — так он кричал.

- Вот ведь какая цена, - тихо произнесла Марья Петровна. - Победа-то победой, а за неё кровью заплачено. Мемориал видела? На том месте, где бой был. Каждый год пятнадцатого июня собираются. Цветы несут. Я в прошлом году ходила — так там фотография Гришина… Молодой, улыбается. Сердце сжимается.

Обе посидели молча. Ветер шевельнул пожелтевшие листья на деревьях, окаймлявших сквер напротив руин.

- А знаешь, что самое удивительное? - вдруг сказала Валентина Степановна. - Ниночкин внук рассказывал после той ночи правительство их легализовало. Не банда, а организация. Выше городского управления, представляешь? Волк с чиновниками за стол садился, на равных. И они его серьёзно восприняли.

- Ну ещё бы, - хмыкнула Марья Петровна. - Человек бандитов с лица земли стёр, а ты с ним заискивать будешь? Нет уж. Тут уважение нужно. Он же не для себя старался. Он же за город бился. За нас с тобой, Валентина.

Преступность то как обнулилась, - Валентина Степановна щёлкнула пальцами. + Ноль. Полный ноль. Раньше тут на каждом углу свои «крыши» стояли, сейчас тишина. Бизнесмены дань больше не платят, на улицах безопасно. Программы социальные запустили, для малоимущих. Ночные патрули ходят. Я, когда из магазина вечером возвращаюсь, и не боюсь вовсе. Раньше по стеночке пробиралась, ключи между пальцами зажимала, а теперь иду спокойно.

- Потому что Ночной Гром- это уже не банда, — подвела итог Марья Петровна. - Это, Валентина, защита. Защитники наши. Волк сделал то, что полиция и власти годами не могли. Он город от бандитов очистил. И цену за это заплатил — товарищей своих потерял. И сам, говорят, едва выстоял.

- Силен, ничего не скажешь, - кивнула Валентина Степановна. - Хотя, конечно, страшный мужик. Красные глаза, протез этот… Но, видать, добрый внутри. Раз за людей стоит.

- Бывает и такое, - согласилась Марья Петровна, поправляя воротник пальто. - Самые страшные снаружи часто самые добрые внутри. А самые приятные на вид — те и есть первые предатели. Серый вот тоже красивый был, представительный. А чем кончил? На полу без сознания лежал. Кормит теперь, поди, червей.

Валентина Степановна хмыкнула:

- А Громов-то исчез. Как сквозь землю провалился. Будто и не было никогда. Странно это, Марья. Не к добру, если честно.

- Это да, - протянула Марья Петровна. - Но пока тихо. И слава Богу. Пусть тихо будет. Нам, бабкам, тишина что хлеб насущный.

Обе переглянулись, улыбнулись и умолкли, глядя, как мимо руин штаба проходит молодой парень в чёрной куртке с эмблемой Ночного Грома. Он кивнул бабушкам, те ответили. Парень пошёл дальше — патрулировать улицы, которые полтора года назад принадлежали бандитам, а теперь принадлежали Ночному Грому.

В это время в штабе Ночного Грома царила гробовая тишина. Бойцы на постах с автоматами стоят поглядывают то в одну сторону, то в другую. На КПП каждые 2 часа одни бойцы

сменяли других. Возле входа в штаб висела табличка: "Ночной Гром", а поперек таблички нарисована молния. Лесник разбирался в дронах. Рядом стоял боец который помогал Леснику.

- Ровнее держи. - Буркнул лесник оглядываясь на бойца.

- Да ровно я держу, руки трясутся просто. - Ответил он.

Лесник встал во весь рост и посмотрел прямо в глаза ему.

- Вот от того что у тебя трясутся руки, - начал он. - Я могу не то припаять и тогда сто тысяч рублей улетят в помойку, а вычитать будут из твоей зарплаты.

Вот от того, что у тебя трясутся руки, — начал он, — я могу не то припаять, и тогда сто тысяч рублей улетят в помойку, а вычитать будут из твоей зарплаты.

Ворон сглотнул.

- Из моей? Я ж за месяц столько не получаю...

- Вот именно, - Лесник повернулся обратно к плате, - Будешь отдавать полгода. Я Волку доложу, что ты дрон похоронил. Он любит такие разговоры. Знаешь, как он глаза краснит?

Ворон почувствовал, как руки затряслись ещё сильнее.

- Так я из-за того, что ты говоришь, и трясусь!

Лесник вздохнул, отложил паяльник и посмотрел на него снизу вверх ростом Ворон был на голову выше.

- Ты на заданиях как себя ведёшь?

- Ну... нормально.

- Нормально, - передразнил Лесник. - Ты с автоматом бегать можешь, по крышам прыгать можешь, а детальку ровно подержать нет. Слабак.

- Это другое! - возмутился Ворон. - Там адреналин, там пофиг, а тут... тут сто тысяч рублей. Тут от этого адреналин наоборот в минус уходит.

Лесник хмыкнул.

- Дай-ка сюда. - Он забрал деталь, перехватил поудобнее и кивнул на стул. - Сядь. Посиди. Руки опусти. Дыши.

Ворон послушно сел, вытянул руки вдоль тела.

- Вдох, - скомандовал Лесник.

Ворон с шумом втянул воздух.

- Выдох.

- А ты уверен, что это...

- Ворон. Ты мне мешаешь паять. Так что сиди и дыши. И не смотри на меня так, будто я тебя на операцию готовлю. Хуже на экономику.

Ворон тихо засмеялся, и напряжение немного отпустило.

- Вот видишь, - Лесник уже снова склонился над платой, - когда ты ржёшь, руки не трясутся. Запомни это. Будет на заданиях страшно вспоминай, как ты дрон стоимостью в сто кусков чуть не угробил. Любая перестрелка после этого - курорт.

- Спасибо, что успокоил, — буркнул Ворон.

- Не благодари, - Лесник припаял последний контакт и выпрямился. - Будет с меня вычитать. Я тебе счёт выставлю.

- Погоди, ты же сказал...

- Шучу. — Лесник впервые за весь разговор улыбнулся. - Но паяльник в руки больше не дам. Ты мне дороже как зритель.

Ворон встал, разглядывая готовый дрон в руках Лесника.

- А если я научиться хочу?

Лесник покосился на него.

- Начнём с того, что ты ровно дышать научишься. А потом через полгода, может, дам провод зачистить. Не раньше.

- Полгода?! За это время я войну закончу!

- Вот и отлично. Вернёшься пощупаем, не трясутся ли. - Лесник аккуратно уложил дрон в кейс и защёлкнул замки. - А сейчас - марш на пост. И руки не тряси там. А то автомат уронишь, а он пядесят тысяч стоит.

На заднем дворе была оборудована спортплощадка. Там были манекены, груши, мишени и даже полоса препятствий. Рядом стояло стрельбище. Мишени, манекены. На спортплощадку вышел Макс. На нём была чёрная куртка с нашивкой Ночной Гром, а на спине был оскаливший Волк, заним шла группа бойцов.

- Вас двадцать три человека, - начал Макс. -из вас нормально двигаются только три, остальные как тюлени.

- Волк ну не все же такие как ты. - Возразил самый высокий.

Макс тут же посмотрел на него.

- Что ты имеешь виду? - Спросил у него Макс.

- Не все такие де сильные как ты. - Начал он. - Я уважаю тебя и каждого человека здесь, но чтобы стать таким как ты это не реально.

Макс коротко взглянул на него, затем отошёл на три шага назад.

- Подойди ко мне.

Боец переглянулся с товарищами, один отвернулся, другой опустил голову.

- Тебе я говорю. - Сказал Макс смотря прямо на него. - Тебе.

Боец и Макс смотрели друг на другу пару секунд. Денис сглотнул, медленным шагом приблизился к Максу. Ноги его дрожали, а сердце колотилось.

- Имя. - Коротко сказал Макс.

- Д... Денис. - Дрожащим голосом ответил он.

- Бей меня Денис. - Сказал Макс пристально всматриваясь в глаза бойца.

Денис побледнел, кто то в строю даже присвиснул. Макс косо взговнул на строй, а бойцы кто отвернул голову, кто опустил, кто расматривал землю.

- Так! - громко скомандовал Макс. - Вижу с муравьиными делами у вас все идет по маслу, тогда вот вам задание.

Все подняли голову и внимательно слушали.

- Кто первым досчитает до ста тому дополнительная порция в столовой, а кто не досчитает бежит полосу препятствий трижды.

Глаза бойцов загорелись азартом.

- Но! - голос Макса пронзил тишину словно кинжал. - Мне все равно как вы это будите делать, я без вас знаю что их тут двенадцать. Пока вы ворон считали я успел посчитать.

Бойцы сперва замерли будто кто-то воздух из плаца выкачал. Секунду-другую никто не шевелился: в строю повисла та самая звенящая тишина, когда даже моргать страшно. А потом как плотину прорвало.

Кто-то фыркнул, прикрыв рот ладонью. Кто-то не выдержал и хохотнул в полный голос и этот смех, будто искра, по цепочке перекинулся на остальных. Через мгновение строй уже трясся от хохота: бойцы сгибались пополам, хлопали друг друга по плечам, вытирали выступившие от смеха слёзы. Даже те, кто минуту назад стоял с каменным лицом, теперь не могли сдержать улыбок.

Денис, всё ещё бледный, сначала стоял, не понимая, смеяться ему или оправдываться, а потом, поймав взгляд Макса — в котором мелькнула едва заметная усмешка тоже выдохнул и рассмеялся, уже свободно, без напряжения.

- Ну Волк… ну даёт! - выкрикнул один из бойцов, вытирая глаза.

- Да я чуть сердце не выронил! - подхватил другой, тыча пальцем в сторону Макса. - Думал, реально считать заставят!

- А я уже в уме до восьми дошёл и понял - не вытяну! - хохотал третий.

Макс дождался, пока волна смеха начнёт стихать, и поднял руку. Строй постепенно затих, но улыбки никуда не делись — лица бойцов светились, напряжение как рукой сняло.

- Вот так-то лучше, - спокойно произнёс Макс, оглядывая строй. - Смеяться умеете значит, живые. А живым на полосе препятствий проще. Так что дополнительная порция сегодня всем. Но не думайте, что я добрый. Полосу всё равно пробежите. По одному, чётко, без суеты. Денис — первым. Покажешь остальным, как надо не трястись.

Кирилл в это время наблюдал за всем из окна. Он скрестив руки на груди и пристально смотрел на то как Макс обучает новобранцев.

- Прирожденный лидер. - Подумал про себя он.

Через минуту бойцы двинулись на полосу препятствий. Макс раздавал указания. По размаху рук, Кирилл понял что за приказы он отдавал, но тут раздался легкий стук в дверь.

- Открыто! - скомандовал Кирилл.

Дверь приоткрылась и на пороге появился Егоров. Кирилл повернулся к нему.

- А Филин. - протянул Кирилл. - Заходи.

Он вошёл в кабинет, затем оглядел его. В кабинете стоял стол, пять стульев, карта города на которых помечены красные крестики. Кирилл посмотрел прямым взглядом, затем отвернулся к окну.

- Что то случилось? - спросил он.

- Отчет принёс о разведки бывшего района питерских. - Начал он. - Руины склада стоять как ни в чем не бывало, но есть одно но.

Кирилл медленно повернулся к нему, руки засунул в карманы.

- Какое но? - спросил он удивленно.

- Сарафанное радио поговаривает что что то не так.

Кирилл внимательно смотрел на него и слушал.

- Поговаривают о том, что может что то случится.

За окном раздался голос Макса.

- Шустрее Денис! - Командовал он. - Бревно само себя не перебежит.

Егоров продолжил.

- На руинах штаба Питерских люди видели огни, слышали лязг метала будто молот ударил по наковальне.

Кирилл поморщился, затем взглянул через правое плече на Макса, затем снова на Филина.

- Жди здесь. - Сказал он. - Я сейчас.

Кирилл вышел из кабинета и направился к спортплощадке. Там царила боевая спецподготовка. Бойцы один за другим проходил змейку на время, другие тренировались бегать по бревну.

Макс стоящий в стороне наблюдал за бойцами.

- Леха! -С командовал Макс. - Ты что ползешь как черепаха на суше?

Леша услышал команду Макса, прибавил скорость и догнал товарищей.

Вдруг Макс краем глаза заметил как к нему идет его брат. Походка у него спокойная, ритмическая. Макс успел выучить его походки за столько лет. Когда Кирилл подошёл к брату, Макс дождался пока последний боец закончит упражнение "прыжок через козла".

- Отдых бойцы! - С командовал Волк, затем повернулся к брату.

- Что? - Коротко и четко спросил он.

Кирилл на секунду растерялся, но быстро взял себя в руки.

- Филин пришёл ко мне в кабинет с плохими вестями. - Начал он. - Ты должен это слышать.

Макс внимательно смотрел на брата, затем коротко кивнул.

- Веди. - С командовал он.

Кирилл шёл впереди, не оборачиваясь. Макс двигался за ним шаг в шаг, чётко, ритмично. Бойцы на полосе препятствий расступались, пропуская командиров. Денис, стоявший на бревне, замер, увидев Волка вблизи. Макс, не замедляя шага, коротко бросил ему:

- Денис. Бревно само себя не перейдёт.

Денис сглотнул и побежал дальше.

Они вошли в штаб. Коридор, поворот, ещё один. У двери кабинета стоял боец из охраны. Увидев Волка, вытянулся по стойке «смирно».

- Внутри Филин, - тихо сказал Кирилл, останавливаясь у двери. - Я его оставил ждать.

Макс кивнул и толкнул дверь.

Егоров стоял у карты, заложив руки за спину. Его взгляд был направлен на красные крестики, разбросанные по кварталам. Услышав скрип двери, он обернулся. Увидев Волка, чуть отступил.

- Волк, - произнёс он, чуть сдерживая дыхание. - Я... ждал Кирилла. Не думал, что ты сам придёшь.

Макс закрыл дверь за собой и встал напротив, скрестив руки на груди. Кирилл прошёл к столу, оперся о край, наблюдая за братом.

- Говори, - коротко приказал Макс. - Кирилл сказал - плохие вести. Я не люблю ждать.

Егоров достал из кармана сложенный лист, развернул и положил на стол. Макс не двинулся к нему смотрел прямо в глаза Егорову.

- Два дня назад мои люди обходили район бывших Питерских, - начал Егоров, чуть оправившись. - Руины склада стоят как ни в чём не бывало. Никто их не трогал. Городские власти, как обычно, забыли.

- И? - Макс чуть наклонил голову.

- Мои патрульные заметили огни. Внутри руин. Не костёр что-то другое. Электрический свет. Потом лязг металла. Будто кто-то бьёт молотом по наковальне. Громко. Чётко.

Кирилл, до этого молчавший, подался вперёд:

- Электричество в руинах? Там же всё было отключено.

- В том-то и дело, - Егоров провёл пальцем по карте, указывая точку. - Я проверил. Подстанция рядом разрушена. Кабели перебиты. Но свет там есть. Кто-то провёл питание отдельно.

Макс наконец шагнул к столу и посмотрел на лист. На нём была схема руины склада, обведённые неровным кругом, стрелки, указывающие на входы и выходы. Рядом короткие пометки: «огни - 23:00», «лязг - 01:00», «движение людей - 3-4 человека».

- Сарафанное радио? - переспросил Макс, не поднимая глаз.

- Да. Но я не стал бы приносить это, если бы это были только слухи, - Егоров сглотнул. + Мои люди видели своими глазами. Трое вышли из руин в три часа ночи. В военной форме. Без нашивок. Лица закрыты. Сели в машину без номеров и уехали на север.

Тишина. Макс медленно выпрямился, его глаза на секунду мелькнули красным и тут же погасли. Кирилл это заметил, но промолчал.

- Военная форма, - повторил Макс. - Без нашивок. Ночью. Из руинов разгромленной группировки.

Рн повернулся к окну. За стеклом Денис уже заканчивал полосу мокрый, запыхавшийся, но держался.

- Громов, - произнёс Макс тихо, почти шёпотом.

Егоров замер.

- Ты думаешь, это Громов? - спросил он.

Макс не обернулся.

- Громов исчез полтора года назад. Как сквозь землю. Будто его и не было. - Макс повернул голову, глядя через плечо на Егорова. - Ты веришь в совпадения, Филин?

Егоров молчал. Кирилл встал со стола.

- Брат, - начал он, - даже если это Громов, у нас нет подтверждения. Одни огни и лязг. Может быть, бомжи. Может, мародёры.

- Мародёры не ходят в военной форме и не ездят на машинах без номеров, - отрезал Макс. - А бомжи не подключают электричество к разрушенной подстанции.

Он обернулся к Егорову:

- Сколько людей ты видел? Точно.

-Трое вышли. Но мои ребята насчитали пятиметровые следы внутри. Минимум пять-шесть человек.

Макс кивнул. Помолчал. Потом подошёл к двери и открыл её.

- Лесника ко мне. Срочно.

Боец у двери метнулся выполнять. Макс вернулся к столу, сел в кресло и посмотрел на Егорова.

- Филин. Ты сделал правильно, что пришёл. Но теперь ты сделаешь ещё одну вещь.

Егоров вытянулся.

- Твои люди больше не подходят к этим руинам. Никто не подходит. Ни патриоты, ни любопытные. Пятно руин мёртвая зона. Понял?

- Понял, - кивнул Егоров. - Но...

- Никаких «но». Если там Громов не должен знать, что мы его видим. Пока.

Через минуту дверь открылась, и вошёл Лесник. В руках он держал пульт управления дронами.

- Звал, командир?

Макс указал на карту:

- Мне нужен полный обзор руинов склада Питерских. Тепловизор, ночная съёмка, всё, что у тебя есть. Но тихо. Дроны на большой высоте. Чтобы никто не услышал.

Лесник прищурился, взглянул на карту, потом на Егорова.

- Слышал, - сказал он. - Сделаю. Два разведчика на шестистах метрах, один тепловизор на трехстах. Начну через час когда стемнеет, их будет лучше видно.

- Хорошо, - Макс откинулся в кресле. - И ещё. Проверь, нет ли в округе посторонних радиосигналов. Если Громов там он должен с кем-то связываться.

Лесник кивнул и вышел. Егоров, всё ещё стоявший у стола, тихо произнёс:

- Волк... Если это правда, если Громов вернулся... Что ты будешь делать?

Макс медленно поднял на него взгляд. Красный отблеск мелькнул в зрачках — едва заметный, как тлеющий уголёк.

- То, что всегда делаю, Филин. Защищать своих.

Макс подошёл к окну и сложил руки на груди. Его взгляд был точный и пронзительный. Весь город буд-то был у него в руках.

- Собрать заседание в переговорной. - С командовал Макс не поворачивая головы. - Филин, Лесник, Кирилл.

Переговорная зала штаба Ночного Грома это бывший склад, переделанный под командный центр. Длинный стол посередине, над ним экран, на который Лесник выводил данные с дронов. На стенах карта Москвы, карта области, схемы патрульных маршрутов. У дальней стены стеллаж с рациями и боеприпасами, рядом ящик с кейсами для дронов.

Кирилл сидел во главе стола, сложив руки перед собой. Справа от него Егоров, по прозвищу Филин. Папка с разведданными лежала перед ним, закрытая, но он то и дело касался её обложки, будто проверял на месте ли. Слева Лесник. Он молча возился с ноутбуком, подключая его к большому экрану. Рядом с Лесником, чуть позади, на стуле, сдвинутом к стене, сидел Ворон.

Ворон попал сюда не по своей воле. Лесник, выходя из мастерской, бросил ему через плечо:

- Пойдёшь со мной. Будешь записывать.

- Что записывать? - не понял Ворон.

- Всё, что скажут. Ты же хотел учиться - вот и учись. Сначала наблюдай, потом делай.

Ворон открыл рот, чтобы возразить, но Лесник уже шагал по коридору. Ворон схватил блокнот и побежал за ним.

Теперь он сидел, прижимая блокнот к коленям, и старался не шевелиться. Руки, конечно, опять слегка тряслись но теперь он хотя бы знал, что с этим делать. Вдох. Выдох. Как Лесник учил.

Кирилл посмотрел на часы, потом на дверь.

- Он скоро будет, - сказал он, будто отвечая на незаданный вопрос.

Егоров кивнул. Лесник даже не поднял головы от ноутбука.

Ворон перевёл взгляд с одного на другого и подумал, что в комнате собралось странное трио: Кирилл молодой, собранный, с глазами, которые всё замечают, но держатся спокойно. Егоров постарше, в годах, в морщинах, с цепким взглядом разведчика. Лесник молчаливый, сосредоточенный, с пальцами, которые двигаются по клавишам так же точно, как по паяльной плате.

- Как дроны? - спросил Кирилл у Лесника.

- Готовы. Запускаю по твоей команде. Два разведчика на шестьсот метрах, один тепловизор на трехстах. Подключение к экрану вот. -Лесник ткнул пальцем в кнопку. - Одно нажатие и всё, что видят дроны, будет здесь.

- Радиосканер? - продолжил Кирилл.

- Работает. Пассивный режим, никого не спалим. Если в округе есть хоть один посторонний сигнал поймаем.

Ворон тихо записал: «Дроны - 2 шт. + тепловизор. Радиосканер - пассивный».

Кирилл чуть наклонил голову к Егорову:

- Филин. Ещё раз - коротко. Что видели твои люди, где и когда.

Егоров открыл папку:

- Два дня назад. Руины склада Питерских, северо-восточный сектор. Мои патрульные — двое — проходили по периметру в рамках стандартного обхода. Около двадцати трёх часов заметили свет внутри руин. Не костёр, не факел — электрический. Ровный, белый. Потом, ближе к часу ночи, — лязг металла. Удары. Систематические, не хаотичные. Будто кто-то работает с металлом. Молот по наковальне.

Ворон записывал, и почерк у него портился с каждым словом.

- Дальше, - кивнул Кирилл.

- В три часа ночи из руин вышли трое. Военная форма, без нашивок. Лица закрыты. Сели в машину тёмный внедорожник, без номеров. Уехали на север. Мои люди не преследовали — я приказал не светиться.

- Правильно, - сказал Кирилл. - Дальше.

- Внутри, по следам, мои насчитали пять-шесть человек. Плюс те трое снаружи. Итого до девяти. Может, больше, если были те, кто не выходил.

Кирилл помолчал.

- Подстанция рядом разрушена. Кабели перебиты. Откуда электричество?

- Кто-то провёл питание отдельно, - ответил Егоров. - Либо генератор, либо автономный контур. Мои не могли подойти близко, чтобы проверить.

Лесник наконец поднял голову:

- Если генератор тепловизор его засечёт. Даже через стены. Тепловой след будет чёткий.

Кирилл кивнул. И в этот момент дверь открылась.

Макс вошёл без стука. Он никогда не стучал в свой штаб.

Чёрная куртка с эмблемой Ночного Грома на груди, на спине — оскалившийся волк. Протез чуть скрипнул на бетонном полу единственный звук, который выдавал его присутствие. В остальном Волк двигался бесшумно, как тень.

Все встали. Ворон тоже блокнот чуть не выпал из рук.

Макс прошёл к голове стола, не торопясь, оглядел каждого. Его взгляд задержался на Вороне — на долю секунды. Ворон почувствовал, как по спине прошла волна мурашек. Глаза Волка были обычными, тёмными, но в них горел тот самый огонёк, о котором шептались в кулуарах: будто уголь, который никогда не гаснет до конца.

- Сядьте, - сказал Макс.

Все сели. Ворон - последним, стараясь не скрипнуть стулом.

Макс положил руки на стол, чуть подался вперёд. Помолчал. Тишина в зале стала плотной, как вата.

- Полтора года назад, - начал он, голос ровный, без надрыва, - Ночной Гром сделал то, чего не смог сделать никто. Мы вышли из тени и взяли этот город. Не для себя. Для тех, кто в нём живёт.

Он обвёл взглядом сидящих.

- Серый кормит червей. Громов исчез. Штаб Московских Волков руины. Преступность ноль. Патрули на улицах. Бабушки на скамейках спокойно сидят. Дочери после девяти возвращаются домой без страха. Мы это сделали.

Пауза.

- И вот теперь, - голос Макса чуть понизился, но не стал слабее, - мне приносят вот это.

Он кивнул на папку Егорова. Тот открыл её и положил лист перед Максом схема руин, пометки, стрелки.

Макс не стал читать. Он смотрел на Егорова.

- Расскажи им, - коротко приказал он.

Егоров повторил - коротко, чётко, без эмоций, как и Кириллу. Свет в руинах. Лязг металла. Трое в военной форме без нашивок. Машина без номеров. Электричество в месте, где его не должно быть.

Когда он закончил, в зале повисла тишина. Ворон не записывал — забыл.

Макс откинулся на спинку стула. Посмотрел на Лесника:

- Дроны?

- Готовы к запуску. Через час, когда стемнеет, будет лучший вариант. Тепловизор на триста метров, два разведчика на шестьсот. Плюс радиосканер.

-тСколько времени нужно на первый отчёт?

- Двадцать минут после запуска. Может, меньше, если повезёт с ветром — не будет трясти картинку.

Макс кивнул. Повернулся к Кириллу:

- Твоё мнение.

Кирилл чуть подался вперёд, локти на стол:

- Два варианта. Первый это Громов. Он исчез полтора года назад, но тело не нашли. Майор с военными связями, умеет прятаться, умеет ждать. Если он выжил и собрал людей — руины Питерских идеальное место. Все про них забыли, власти не трогают, патрули туда не заглядывают.

- Второй вариант? - спросил Макс.

- Кто-то новый. Не Громов, а другой игрок. Военная форма без нашивок это может быть частная группа, наёмники, кто угодно. Но если это так значит, кто-то решил, что Москва после зачистки Серого — лакомый кусок. Пустое место, которое нужно заполнить.

Макс медленно кивнул. Потом посмотрел на Егорова:

- Филин. Ты служил в системе. Что скажешь про форму без нашивок?

Егоров помедлил:

- Если это действующие военные они не стали бы прятать нашивки без причины. Значит, либо не действующие, либо действующие, но не хотят, чтобы их идентифицировали. Второе хуже. Это значит, что за ними кто-то стоит. Кто-то, кто имеет ресурсы, связи и желание остаться в тени.

Макс чуть сощурился:

- Как Громов полтора года назад?

- Да, - тихо сказал Егоров. - Как Громов.

Макс выпрямился. Обвёл всех взглядом медленно, по очереди. Кирилл. Егоров. Лесник. И, наконец, Ворон на секунду, но достаточно, чтобы тот вжался в стул.

- Вот что я вам скажу, - произнёс Макс, и голос его стал жёстче, словно сталь по камню. - Полтора года назад мы показали этому городу, кто мы такие. Мы показали бандитам, что значит переходить дорогу Ночному Грому. Серый узнал это. Громов узнал. Двести человек военных узнали.

Он встал. Медленно, будто поднимаясь из глубины.

- Кто бы ни сидит в этих руинах он должен вспомнить, что Ночной Гром, которого боялись все группировки полтора года назад, никуда не делся. Мы не стали мягче. Мы не стали слабее. Мы стали сильнее, больше, организованнее.

Его глаза на секунду мелькнули красным коротко, как вспышка дальней молнии. Кирилл эту заметил. Лесник тоже. Оба промолчали.

- Мы не идём воевать, - продолжил Макс. - Мы идём смотреть. Сначала смотрим. Потом решаем. Но если тот, кто там, решит, что может снова начать играть в игры с этим городом...

Пауза. Макс сжал кулаки. Костяшки побелели.

- ...тогда тот Ночной Гром, которого боялись все группировки полтора года назад, возвращается. Полностью. Без ограничений. Без пощады.

Он посмотрел на Лесника:

- Запуск через час. Полный отчёт - мне лично. Никаких пересылок через третьи руки. Ты сам.

- Понял, - Лесник закрыл ноутбук.

- Филин, - Макс повернулся к Егорову, - твои люди держат мёртвую зону. Никто не подходит. Если заметите кого-то нового фиксируете, но не контактируете. Всё мне.

- Есть, - Егоров закрыл папку.

- Кирилл, - Макс посмотрел на брата, - поднимай боеготовность до второго уровня. Тихо. Без объявлений. Патрули в обычном режиме, но с усиленным патрулированием в северном секторе. Утром — доклад.

Кирилл кивнул:

- Сделаю.

Макс чуть повернулся к Ворону. Тот замер, как кролик перед волком.

- А этот зачем здесь? - спросил Макс у Лесника, коротко кивнув на Ворона.

Лесник, не меняя выражения лица:

- Ученик. Записывает. Растёт.

Макс посмотрел на Ворон. Ворон судорожно сжал блокнот, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

- Записал? — спросил Макс.

- Д-да, - выдавил Ворон.

- Тогда запиши ещё одно. — Макс чуть наклонился к нему, и Ворон увидел его глаза вблизи. Тёмные, с красным огоньком где-то глубоко, как тлеющий уголь в ночи. - Запиши: Ночной Гром возвращается. И в этот раз мы не остановимся, пока каждый, кто угрожает этому городу, не узнает, почему нас боялись.

Ворон судорожно записал. Руки тряслись но он не остановился. Вдох. Выдох.

Макс выпрямился.

- Всем всё ясно?

- Так точно, - произнесли Кирилл, Егоров и Лесник почти одновременно.

- Разойдитесь. Лесник через час запуск. Отчёт лично.

Макс развернулся и вышел. Протез скрипнул по бетону и тишина.

Лесник первым нарушил молчание. Он посмотрел на Ворона:

- Ну что, зритель? Записал?

- Записал, - Ворон сглотнул. - Всё записал.

- Хорошо. - Лесник встал, забрал ноутбук под мышку. - Пойдём. Поможешь мне дроны заряжать.

- Я... руки трясутся, - тихо сказал Ворон.

- Знаю. - Лесник уже был у двери. - Поэтому будешь держать кейсы. А не дроны. Идём.

Ворон встал, прижал блокнот к груди и пошёл за Лесником, стараясь не смотреть на Кирилла и Егорова, которые остались в зале.

Кирилл проводил их взглядом, потом повернулся к Егорову:

- Филин. Ты служил дольше, чем я живёшь. Будь честен насколько это серьёзно?

Егоров помедлил, аккуратно складывая листы обратно в папку.

- Кирилл, - сказал он, глядя не на парня, а куда-то в стену, будто читал там то, чего другие не видели. - Я повидал всякое. Когда военные без нашивок ночью возятся с металлом в заброшенных руинах и уезжают на машинах без номеров — это не бомжи. И не мародёры. Это кто-то, кто готовится. К чему — не знаю. Но готовится основательно.

Он закрыл папку и посмотрел на Кирилла:

- Насколько серьёзно? Если это Громов... Громов не Серый. Серый был бандит с амбициями. Громов майор с мозгами, связями и терпением. Он умеет ждать. И если он ждал полтора года — значит, у него был план.

Кирилл кивнул. Сжал край стола.

- Я скажу Волку, чтобы ты был в курсе всего. Каждый день доклад. Даже если нечего докладывать - пиши «без изменений». Понял?

- Понял, - Егоров встал. - Без изменений - тоже доклад. Сделаю.

Он вышел. Кирилл остался один. Посидел минуту, глядя на пустые стулья, потом встал и направился к выходу — выполнять приказ брата.

Тем временем в кабинете Волка царила напряжённая атмосфера. Макс стоял у карты города. На карте город был поделён на 5 районов и каржый был подписан по своему.

Первый район располагался в левом нижнем углу карты - подписан как "Бывший район банды Гриши. "

Второй район располагался в правом нижнем углу карты - подписан как "Бывшая ОПГ Орехи (нынешняя территория Ночного Грома) ".

Третий район располагался в в верхнем левом углу карты и охватывал половину города - Подписан как " Бывшие Питерские".

Четвёртый район располагался по соседству с "Бывшими Питерскими" так же занимал половину карты - подписан как "Бывшие Московские Волки".

Пятый райлн располагался между Московскими волками и Ночным громом - подписан как " бывшая банда Егорова (Филина).

В этот время в дверь постучали. Макс знал стук каждого человека. У каждого был свой ритм, но этот был не знаком.

- Кто? - Коротко спросил Макс.

За дверью послышался грубый мужской голос.

- Администрация по городу Москва. Советник мера по безопасности.

Макс понял что что то случилось. Просто так к нему не станет приходить человек из администрации.

- Оружие оставь за дверью. - Приказал Макс.

В эту же секунду за дверью послышался звук осмотра охраной Ночного Грома. Через минуту стук в дверь повторился, но был он мягче.

- Могу войти? - Спросил он.

Макс подошел лично к двери, и лично открыл её. Не слова не говоря он махнул головой назад. Этот жест обозначал "проходи".

Они оба остановились у карты, Макс облокотился спиной к карте, сложил руки на груди. Советник администрации присел на край стола, закинул ногу на ногу, а затем посмотрел прямо на Макса.

- Меня зовут Кравцов Дмитрий Анатольевич. - Начал он. - Я представляю интересы города.

Макс не перебивал, а внимательно слушал гостя, которого он не ждал.

- Максим Олегович... Начал Кравцов.

- Зови меня просто Макс. Так проще. - Перебил его Макс.

Кравцов почувствовал что по его вискам течёт пот, но он не остановился.

- Хорошо Макс. - Начал он. - Мне сказали что вы человек прямой, значит буду краток и по делу.

Макс стоял у стены и внимательно слушал собеседника.

- Дело в том, что... - Протянул Кравцов. - Мне пришёл неофициальный запрос от начальника управления федеральной службы безопасности. Он сказал чтобы никто никто не влезал в руины " бывших питерских".

Макс отстранился от стены, зрачки на секунду засветились красным, а затем вновь погасли. Кравцов это заметил, но говорить ничего не стал.

- ФСБ? - Макс произнёс это слово медленно, будто пробуя его на вкус. - Интересно.

Кравцов снял ногу с ноги и чуть подался вперёд. Пот на его висках блестел в тусклом свете лампы, но голос оставался ровным — человек из администрации привык держать лицо.

- Я не сказал, что ФСБ замешана, Макс. Я сказал, что пришёл неофициальный запрос. От начальника управления. С формулировкой «не вмешиваться». Это разные вещи.

- Разные, - кивнул Макс. - Но не сильно.

Кравцов выдержал его взгляд и Макс уважил это. Не каждый мог смотреть ему в глаза, когда в них тлел красный.

- Пойми меня правильно, - продолжил Кравцов, понизив голос. - Я здесь не как враг. Я здесь потому, что город — мой тоже. И если в руинах Питерских происходит что-то, из-за чего ФСБ просит не лезть… это значит, что масштаб проблемы выше, чем районная разборка.

Макс молчал. Кравцов воспринял это как разрешение продолжать.

- Дамы и господа из Лубянки не интересуются бомжами и мародёрами. Они не интересуются бывшими майорами, которые паяют что-то в заброшенных складах. Они интересуются… - Кравцов замялся, подбирая слова, - они интересуются, когда есть угроза, которую нельзя назвать вслух.

- Ты говоришь загадками, Дмитрий Анатольевич, - Макс чуть сощурился. - Я не люблю загадки.

Кравцов встал со стола, прошёлся по кабинету. Остановился у карты, посмотрел на красные крестики, потом — на район, подписанный «Бывшие Питерские».

- Скажу так. Два месяца назад из архивного хранения пропали несколько единиц снаряжения. Не гражданского. Не полицейского. Списали на ошибку учёта. Но человек, который мне это сообщил… он не из тех, кто ошибается.

Макс не шелохнулся.

- Снаряжение, - повторил Кравцов, - которое идеально подходит для небольшой автономной группы, действующей в городских условиях. Без нашивок. Без номеров. С собственным питанием и связью.

Тишина в кабинете стала физически ощутимой. Макс стоял у карты, скрестив руки на груди, и смотрел на Кравцова. Тот выдержал несколько секунд, потом отвёл взгляд.

- Я не знаю, что там происходит, Макс. Но я знаю, что ФСБ не просит «не лезть», если речь идёт о чём-то мелком. Они либо не знают — и тогда просят не лезть, чтобы не мешали разбираться. Либо знают — и тогда просят не лезть, потому что это их операция. — Кравцов повернулся к Максу. — И я не уверен, какой из вариантов хуже для тебя.

Макс медленно отвернулся от него и подошёл к окну. За стеклом патруль в чёрных куртках проходил мимо руин бывшего штаба Московских Волков. Дрон Лесника чертил в небе ровную дугу.

- Дмитрий Анатольевич, - произнёс Макс, не поворачиваясь. - Ты приехал ко мне один. Без охраны, без водителя. Оружие оставил за дверью, как я попросил. Значит, ты доверяешь мне. Или боишься. Или и то, и другое.

Кравцов промолчал.

- Я отвечу тебе тем же доверием, - Макс повернулся. - Полтора года назад Громов ушёл из окна третьего этажа. Тело не нашли. Майор с военными связями, с опытом, с терпением. Если он выжил — он не просто сидел и ждал. Он строил.

- Строил что?

- Армию. Маленькую, тихую, автономную. Из людей, которые умеют молчать. - Макс посмотрел на Кравцова. - Ты сказал про снаряжение из архивного хранения. Скажи мне вот что: если Громов — бывший майор — смог достать это снаряжение через свои каналы, без ведома ФСБ… ФСБ об этом узнала бы?

Кравцов медленно кивнул:

- Рано или поздно — да.

- А если узнала и не остановила?

- Значит… — Кравцов побледнел, — значит, это не просто Громов. Значит, за ним кто-то стоит. Или он работает на кого-то.

Макс подошёл к Кравцову вплотную. Тот невольно отступил на полшага.

- Вот именно, Дмитрий Анатольевич. Вот именно. - Макс говорил тихо, но каждое слово падало, как камень в воду. - Громов — не Серый. Серый был бандит с амбициями. Громов — майор с мозгами, связями и планом. Если он полтора года молчал и вдруг зашевелился — значит, план созрел. А если ФСБ просит не лезть — значит, либо они его ведут, либо он их ведёт за нос. И в том, и в другом случае — мне не улыбается, что на пороге моего города кто-то раскладывает игрушки, которые мне не показывают.

Кравцов открыл рот, но Макс поднял руку:

- Я закончил. Вот что ты сделаешь, Дмитрий Анатольевич. Ты вернёшься в свою администрацию. Ты не будешь упоминать мой имя. Ты не будешь упоминать Ночной Гром. Ты просто будешь… наблюдать. И если ФСБ снова пришлёт запрос ты принесёшь его мне. Не начальству. Не полиции. Мне.

Кравцов сглотнул:

- Ты понимаешь, что это…

- Я понимаю, что ты сейчас выбираешь сторону, - перебил Макс. - Не между мной и ФСБ. Между тем, чтобы знать, что происходит в твоём городе, и тем, чтобы закрывать глаза. Ты уже выбрал, раз пришёл сюда. Так что не делай вид, что ты случайно зашёл.

Кравцов стоял молча. Потом медленно достал из внутреннего кармана визитку и положил на стол.

- Мой прямой номер. Без секретарей. Если что-то узнаю — позвоню.

Макс взял визитку, не глядя сунул в карман.

- Провожать не буду. Ворон выведет. - Макс кивнул на дверь. — И Дмитрий Анатольевич… Спасибо, что пришёл лично. Это было умно.

Кравцов кивнул и вышел. В коридоре послышался голос Ворон — низкий, спокойный, указывающий дорогу. Потом дверь закрылась, и Макс остался один.

Он стоял посреди кабинета, руки опущены вдоль тела. Тишина давила, но он не замечал. Мысли крутились — медленно, тяжело, как шестерни механизма, которому не хватает масла.

- Громов, - думал Макс. - Майор Громов. Полтора года тишины. Полтора года — ни слуха, ни следа. Тело не нашли. И я, как дурак, решил, что он ушёл. Что сломался. Что окно третьего этажа его доконало.

Он подошёл к карте. Палец лёг на район «Бывшие Питерские» — половина города, заштрихованная, помеченная красными крестиками.

- Но Громов не сломался. Громов — не Серый. Серый кидался в драку, как бешеный пёс, и падал от первого удара кастетом. Громов — другое. Громов — это человек, который умеет ждать. Который умеет строить. Который не лезет на рожон, пока не подготовится.

Макс отошёл от карты, сел в кресло. Откинулся на спинку, посмотрел в потолок.

- Военная форма без нашивок. Электричество в руинах, где его не может быть. Лязг металла — кто-то работает, кто-то готовит. Машина без номеров, уехала на север. Трое вышли, пять-шесть остались внутри. И ФСБ — ФСБ! — просит не лезть.

Он закрыл глаза.

- Это не Громов. Нет. Громов — это инструмент. Громов — это рука. А кто-то держит эту руку. Кто-то, у кого есть доступ к архивному снаряжению. Кто-то, у кого есть власть сказать ФСБ «не вмешиваться». Кто-то, кому нужен человек с военным опытом, чтобы сделать то, что обычные люди не сделают.

Красный отблеск мелькнул в его глазах — ярче, чем обычно. Он не заметил.

- Вопрос — зачем? Зачем Громову возвращаться? Он проиграл. Его люди разбежались или легли. Серый — червям. Московские Волки — руины. Ночной Гром держит город. Преступность — ноль. Патрули. Дроны. Бабушки на скамейках. Город — мой.

Пауза.

- Или — не мой?

Макс открыл глаза. Посмотрел на свои руки — правую, живую, и левую, протез. Кожа и металл.

- Кравцов сказал — снаряжение исчезло два месяца назад. Два месяца. А Громов исчез полтора года назад. Значит, полтора года он был где-то. Делал что-то. Собирал людей. И только два месяца назад — когда всё было готово — начал проявляться. Это не спешка. Это расчёт.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом начинало темнеть. Скоро Лесник запустит дроны. Тепловизор покажет, есть ли кто-то в руинах. Радиосканер поймает, если кто-то выходит в эфир.

- Но если ФСБ в деле — дроны могут не помочь. Если это их операция, они знают, как прятаться от тепловизора. Знают, как молчать в эфире. Это не мародёры и не бомжи. Это профессионалы.

Макс сжал кулаки. Костяшки побелели.

- Громов пришёл не за городом. Если бы он хотел город — он бы не прятался. Он бы пришёл, как полтора года назад — с автоматами и гранатами. Нет. Он пришёл за чем-то другим. За чем-то конкретным. И ФСБ его прикрывает. Или ФСБ его использует. Или…

Он замер.

- Или ФСБ его боится.

Макс медленно повернулся к карте. Его взгляд скользнул по районам — Орехи, Питерские, Московские Волки, банда Егорова. Пять кусков одного города, которые он собирал кро-

вью и потом. Каждый крестик на карте — бой, каждая стрелка — решение, каждая пометка — чья-то жизнь.

- Я строил этот город полтора года. Каждый день. Каждую ночь. Потерял Гришу — он гранату к себе прижал. Потерял Илью — его группу в засаде сожгли. Кортавый попал в засаду. Борода точно также в попал в засаду. Каждый павший брат — это имя, которое я помню. И вот теперь кто-то в руинах, которые я должен был снести, но не успел, — кто-то стучит молотом по наковальне и ждёт.

Макс положил обе руки на стол — живую и металлическую — и наклонился вперёд.

-Хорошо. Пусть ждёт. Пусть стучит. Пусть думает, что я не вижу. Пусть ФСБ думает, что я послушаюсь и отойду. Пусть Громов думает, что я забыл.

Глаза вспыхнули красным — коротко, ярко, как вспышка молнии в ночном небе. И не погасли сразу. Тлели.

-Я никого не забываю. И ни от кого не отхожу. Этот город — мой. Эти люди — мои. Эти улицы — мои. И если кто-то — Громов, ФСБ, чёрт с рогами — решил, что может играть в игры на моей территории…

Макс выпрямился. Красный отблеск медленно угас, оставив тёмные, спокойные глаза.

-…пусть играет. Пока. Я тоже умею ждать. Но когда я двинусь - я приду не с дронами и не с разведкой.

Он посмотрел на дверь. За ней — коридор, штаб, бойцы, Лесник с паяльником, Ворон с трясущимися руками, Кирилл с планами, Егоров с папкой, Макс на полосе препятствий, учащий Дениса не трястись.

- Полтора года назад Ночной Гром показал этому городу, кто мы. Полтора года назад Серый узнал, что значит переходить дорогу. Громов узнал, что значит лететь из окна. Двести человек в форме узнали, что значит стоять против нас.

Макс подошёл к двери, положил руку на ручку.

- Теперь - пусть учатся ФСБ.

Дверь открылась. Коридор. Боец у стены вытянулся по стойке «смирно». Макс прошёл мимо, не взглянув.

За окном стемнело. Где-то над городом бесшумно поднялись три дрона — два разведчика и один тепловизор. Лесник запустил их ровно через час, как и обещал.

Ночной Гром возвращается.

Тень над руинами "Бывших Питерских"

Ночь погрузила Москву в кромешную тьму, только Луна освещала небольшую часть города. На улицах ходили усиленные патрули Ночного Грома, на высоте пятьдесят метров летали дроны. За мониторами следил лесник сложивший руки на груди. Он не просто смотрел на мониторы, он сканировал каждое движение. Лесник видел весь город в прямом эфире. Он видел как люди идут домой спокойно разговаривая, как на скамейках сидели пенсионеры и что то обсуждали. Вдруг в дверь постучали.

- Кто? - Коротко спросил лесник не оборачиваясь.

- Это я Ворон. - Ответил он.

Лесник повернул голову на левое плече, но глаза смотрели на мониторы.

- Заходи. - скомандовал он возвращая голову в исходное состояние.

Дверь открылась, и на пороге стоял Ворон в черных кожаных берцах, чёрных джинсах и чёрном плаще до колен. На плечах были нашивки "Ночной Гром", а на спине была эмблема солдата с автоматом на фоне огня. Это была новая эмблема Ночного Грома которая вступила в своё действие после легализации.

- Лесник. - Начал Ворон. - Надо идти запускать дроны на территорию "бывших питерских".

Лесник отошёл от мониторов и повернулся к Ворону.

- Ну пошли, - Начал он, - только не вздумай чихнуть когда я буду настраивать дроны.

- Я не читаю на заданиях. - Возразил Ворон.

- Ты на заданиях вообще ничего не делаешь. Ты только записываешь, и то у тебя руки трясутся. - Лесник снял с кресла куртку, накинул на плечи. - Сегодня будем учится носить и записывать. Кейсы тяжёлые, так что руки укрепишь хотя бы.

- Может сильнее станут.

- Я тебе тогда гантелю дам. Пошел!

- Гантелю? - Ворон остановился в дверях. - Серьёзно?

Лесник уже натягивал куртку, не глядя на него.

- Абсолютно. Дома найдёшь у меня в шкафлуке, на верхней полке. Рядом с грелкой и таблетками от давления. Отличный набор для настоящего воина.

Ворон нахмурился.

- У тебя там не гантеля, а что-то непонятное. Я видел. Ржавая, облезлая, два кило от силы.

- Два с половиной, - поправил Лесник, застёгивая молнию. - И не облезлая, а с характером. Эта гантеля ещё с шестого класса. Знаешь, сколько я ей жим делал?

- Сколько?

- Не помню. Но она меня уважает. В отличие от тебя.

Ворон раскрыл рот, но Лесник поднял палец.

- Ты возьмёшь эту гантелю. Каждый вечер двадцать подходов. Левой, правой, левой, правой. Не одновременно ты ж на два дела сразу не способен, задохнёшься.

- Лесник, я боец Ночного Грома, а не фитнес-блогер.

- Боец, у которого руки трясутся от паяльника, - уточнил Лесник. - Волк, может, в окно врагов кидает, а ты детальку ровно подержать не можешь. Гантеля тебя исправит.

Ворон молчал, явно подбирая аргумент. Не нашёл и сказал другое:

- А если не поможет?

- Тогда я дам тебе вторую гантелю. Из правого шкафлука. Она потяжелее — четыре кило. Бабушкина. Марья Петровна подарила, когда узнала, что мы «те самые вежливые парни в чёрных куртках». Сказала «пусть руки крепче будут, внучок».

- Марья Петровна?

- Марья Петровна. Она меня гантелей снабжает, а ты даже ровно подышать не можешь. Вот и думай, кто из вас больший боец.

Ворон помолчал, потом буркнул:

- Лесник, а если серьёзно?

Лесник остановился, повернулся и посмотрел на него без ухмылки — впервые за весь разговор.

- Серьёзно? Не дури. На заданиях ты себя ведёшь нормально. Я видел. А трясёт тебя не от слабости от страха доломать то, что починить нельзя. В бою такого нет — там починить ничего нельзя, значит, и бояться нечего. А тут можно. Вот и трясёт.

Ворон моргнул. Лесник кивнул, как будто объяснил всё, что хотел.

- Гантелю возьми. Подышать научись. А через полгода, может, и провод дам зачистить. - Он двинулся к выходу. - Пошли. Кейсы на месте, дроны ждать не будут.

Ворон постоял секунду, потом быстро пошёл за ним, прижимая блокнот к боку. На пороге обернулся.

- Лесник.

- Что?

- А гантеля правда два с половиной кило?

- Два с половиной. - Лесник не обернулся. - Для тебя как раз. Больше просто не поднимешь.

Утро в редакции информационного агентства «Столица» началось не с кофе, а с крика.

- Кто пропустил?! - голос главного редактора Андрея Павловича Гущина разнёсся по коридору второго этажа, заставив вздрогнуть даже вахтёра тётушку Риту, которая сидела на первом. - Кто пропустил съёмку дронов над северным сектором?!

Третьего сентября, в восемь утра, когда Москва ещё только просыпалась, редакция уже гудела, как растревоженный улей. Журналисты переглядывались, кто-то листал телефон, кто-то громко говорил по стационарному — мобильная связь в здании была паршивая, и все давно привыкли.

Причиной переполоха стала ночная видеозапись, которую кто-то выложил в сеть в четыре часа утра. Качество — так себе, снято с балкона на двадцатом этаже жилого дома. Но даже сквозь цифровой шум и ночную дымку было видно: три точки в небе, двигающиеся ровно, синхронно, не как птицы и не как коммерческие дроны. Каждая — с бортовыми огоньками. Потом одна из точек зависла, и на секунду мигнул красный индикатор. Тепловизор. Все, кто хоть раз видел военную технику, поняли это мгновенно.

За три часа видео набрало сорок тысяч просмотров. Комментарии уже делились на три лагеря: одни кричали «Ночной Гром», другие — «военные учения», третьи «инопланетяне». Последние, впрочем, были в меньшинстве.

В дальнем углу редакции, за столом у окна, сидела Дарья. Двадцать четыре года, русые волосы, собранные в хвост, очки в тонкой оправе, которые она вечно поправляла, когда нервничала. Сейчас она поправляла их каждые тридцать секунд. Перед ней светился экран ноутбука, на котором был открыт черновик статьи. Заголовок, набранный жирным:

«Ночные дроны над Москвой: Ночной Гром запускает разведку над северным сектором?»

Дарья работала в «Столице» четвёртый месяц. Молодой репортёр, пришедшая из студенческой газеты, она ещё не успела ни огрубеть, ни научиться смотреть на всё циничным взглядом, которым щеголяли старшие коллеги. Зато она умела собирать факты — быстро, точно, без лишней воды. Именно за это её и взяли.

Статья уже была наполовину готова. Дарья успела описать и само видео, и временные метки, и примерный маршрут дронов, который восстановила по характеру движения и направлению. Она даже нашла в открытом доступе спецификацию разведывательных дронов, похожих на те, что мелькнули на записи, — и аккуратно сопоставила характеристики. Всё указы-

вало на Ночной Гром. Форма дронов, высота полёта, время запуска — ночь, когда патрули Ночного Грома наиболее активны, — и, главное, маршрут: северный сектор, район бывших Питерских.

Дарья только что дописала абзац:

«Сравнение характеристик дронов с открытыми данными о техническом оснащении Ночного Грома показывает значительное совпадение. Высота полёта — от трёхсот до шестисот метров — соответствует параметрам разведывательных аппаратов, которые, по данным независимых источников, используются организацией для мониторинга городской территории. Ночной запуск, вне стандартного патрульного маршрута, и курс на северный сектор — район, где ранее располагалась группировка «Питерские», позволяют с высокой долей вероятности связать данную активность с деятельностью Ночного Грома.»

Она перечитала абзац, кивнула сама себе и потянулась к мышке, чтобы сохранить черновик. И в этот момент услышала шаги.

Шаги Андрея Павловича невозможно было спутать ни с чьими другими. Тяжёлые, размеренные, как метроном. Он шёл быстро, но не бежал — бывший военный корреспондент, он даже ходил так, будто на нём бронежилет. Дарья услышала его за три секунды до того, как он появился у её стола. Хватило времени, чтобы сесть ровнее и убрать со лба прядь волос.

- Дарья. - Голос Андрея Павловича был ровным, но в нём звенела струна, как у натянутой проволоки. - Открой черновик.

Дарья молча повернула экран к нему. Гущин встал рядом, чуть наклонился, прочёл заголовок. Потом абзац. Потом второй. Лицо его не изменилось — ни единой морщины не дрогнуло. Дарья подумала, что он, наверное, и на войне так читал сводки: без эмоций, одними глазами.

- Перепиши, - сказал он.

Дарья моргнула.

-иЧто именно?

- Всё. -тГущин выпрямился, скрестил руки на груди. - Заголовок, выводы, привязку к Ночному Грому. Убери.

- Андрей Павлович, но факты…

- Факты - это факты, - перебил он. - А вот кому принадлежат дроны — это не факт. Это предположение. Ты написала «с высокой долей вероятности». Это не журналистика, это гадание.

Дарья открыла рот, но Гущин поднял палец — тот самый жест, который в редакции означал «молчи и слушай».

- Я тебе скажу, как надо. Слушай внимательно, потому что повторять не буду.

Дарья сжала ручку.

- Пишешь: над северным сектором Москвы в ночное время зафиксированы беспилотные летательные аппараты. Источник — видеозапись, опубликованная в сети. Редакция не может установить принадлежность дронов. Характеристики аппаратов указывают на возможное военное или околовоенное назначение. Комментариев от пресс-службы Ночного Грома получить не удалось. Комментариев от администрации города также.

- Но…

- Никаких «но». — Гущин посмотрел на неё сверху вниз. — Ты не пишешь «Ночной Гром». Ты не пишешь «разведка». Ты пишешь «беспилотные летательные аппараты неустановленной принадлежности». Всё. Ни одного имени. Ни одной организации. Факт съёмки да. Время да. Курс да. Но без выводов.

Дарья смотрела на него и молчала. Внутри всё сжималось — не от страха, а от обиды. Она два часа собирала данные, сопоставляла характеристики, выверяла маршрут. Всё сходилось. Всё. И теперь «перепиши».

- Андрей Павлович, - сказала она тихо, - если всё указывает на Ночной Гром, зачем убирать? Люди и так знают. В комментариях уже пишут.

- Люди в комментариях пишут, что это инопланетяне, - отрезал Гущин. - Нам за комментарии не платят. Платят за текст. И текст должен быть таким, чтобы утром его могли прочитать и в администрации, и в штабе Ночного Грома, и в любом другом месте — и никто не мог сказать, что мы кого-то обвиняем.

Он чуть наклонился ближе:

- Дарья, ты умная. Я тебя специально на эту тему поставил. Но ты должна понять одну вещь. Ночной Гром легальная организация. Выше городского управления. Если мы напишем, что они запустили дроны над северным сектором и окажемся правы они придут сюда. Не с автоматами, а с юристами. И это будет хуже.

Дарья сглотнула. Гущин продолжил, теперь тише, почти доверительно:

- А если мы напишем, и окажемся неправы ещё хуже. Потому что тогда мы взбудоражим город без причины. А город, Дарья, и так нервный. Полтора года назад тут стреляли, взрывали, людей из окон кидали. Люди только-только начали спокойно спать. Не надо их будить.

Дарья опустила взгляд на экран. Черновик. Два часа работы. Заголовок, который ей нравился. Абзацы, которые были точными.

- А если кто-то другой напишет? - спросила она. - Другое издание. С фактами. С именами. Тогда что?

Гущин помолчал. Потом выпрямился и сказал:

- Тогда это будет на их совести. А на нашей — будет чистый, проверенный текст, который не разжигает и не обвиняет. Мы не «Столица»- желтая пресса. Мы «Столица». Запомни разницу.

Он развернулся, сделал два шага, остановился.

- И Дарья. Заголовок поменяй. Напиши: «Беспилотники над Москвой: что известно о ночной съёмке». Без вопросительного знака. Утверждение. Спокойное. Понятно?

- Понятно, - кивнула Дарья.

Гущин ушёл. Шаги его стихли в коридоре. Редакция продолжала гудеть кто-то громко обсуждал видео, кто-то звонил в пресс-службу администрации, кто-то уже писал свой материал на ту же тему. Дарья сидела неподвижно, смотрела на экран и думала.

Она думала о том, что Гущин прав профессионально, формально, юридически. Нельзя обвинять организацию, пусть даже все указывает на неё, без официального подтверждения. Это закон. Это профессия.

Но она думала и о другом. О том, что дроны летели ночью. Над северным сектором. Три штуки. С тепловизором. Это не патруль патруль ходит по улицам. Это разведка. Разведка это подготовка. А подготовка это значит, что что-то будет.

Дарья поправила очки, взяла мышку, выделила заголовок и стёрла. Набрала новый:

«Беспилотники над Москвой: что известно о ночной съёмке»

Без вопросительного знака. Спокойно. Утверждающе. Как учили.

Потом стёрла абзац про Ночной Гром. Вместо него написала:

«В ночь с воскресенья на понедельник в социальных сетях была опубликована видеозапись, фиксирующая движение трёх беспилотных летательных аппаратов над северным сектором Москвы. Характеристики и назначение аппаратов на данный момент не установлены. Редакция обращается к читателям, располагающим дополнительной информацией, с просьбой связаться по электронной почте.»

Перечитала. Вздохнула. Сохранила.

Всё было чисто. Всё было аккуратно. Ни одного имени. Ни одной организации. Ни одного обвинения.

Но Дарья знала то, чего не было в тексте. Знала так же точно, как знала, что утром в понедельник в редакции «Столицы» началось не с кофе, а с крика.

Дроны принадлежали Ночному Грому. И летели они не просто так. Они летели туда, где кто-то стучал молотом по наковальне в руинах, которые все забыли.

Все, кроме Ночного Грома.

Дарья отправила статью Андрею Павловичу в двадцать минут десятого. Он ответил через три минуты одним словом: «Ок».

Статья вышла на сайте в десять ноль-ноль. Спокойный заголовок, сухой текст, никаких имён. В комментариях — уже триста сообщений за первый час. Половина кричала «Ночной Гром», половина — «провокация». Дарья читала комментарии и молчала. Она сделала свою работу.

Но в блокноте, который лежал у неё в сумке, отдельной строкой, карандашом, мелким почерком, было записано:

«Три дрона. Ночь. Северный сектор. Тепловизор. Не патруль разведка. Кому?»

Это было не для статьи. Это было для себя.

Дарья сидела за столом до семи вечера. Редакция постепенно пустела — кто-то уходил на перекур, кто-то на ужин, кто-то просто исчезал, и телефон после этого отключался. Так было принято. Гущин ушёл первым, ещё в пять, бросив на ходу: «Молодец. Хорошо переписала». Дарья кивнула, не подняв головы. Ей было не до похвалы.

Она смотрела на свой блокнот. Тот самый, что лежал у неё в сумке. Карандашная запись мелким почерком: «Три дрона. Ночь. Северный сектор. Тепловизор. Не патруль — разведка. Кому?»

Статья вышла чистой. Аккуратной. Безопасной. Гущин был доволен. Комментарии гудели. Но Дарью грызло то, чего в статье не было.

Она раскрыла блокнот на чистой странице и начала писать. Не статью. Не заметку. Список.

Что надо выяснить:

Чьи дроны? (Ночной Гром? Военные? Частная компания?)

Если Ночной Гром — зачем разведка над северным сектором?

Что в северном секторе, кроме жилых кварталов? Руины складов. Бывшие Питерские. Что там осталось?

Почему именно ночь? Почему три дрона? Почему тепловизор?

Кто выложил видео? С какого балкона? Двадцатый этаж — какой дом?

Были ли официальные сообщения от Ночного Грома? (Проверить пресс-службу. Есть ли у них пресс-служба?)

Были ли сообщения от администрации?

Пустить ли запрос в штаб Ночного Грома напрямую?

Она остановилась на восьмом пункте. Перо зависло над бумагой.

Гущин сказал: «Ни одного имени. Ни одной организации». Но Гущин не запрещал ей спрашивать. Не запрещал звонить. Не запрещал ходить ногами. Он запретил писать. А писать — потом.

Дарья посмотрела на часы. Семь двенадцать. Штаб Ночного Грома — где? Она знала. Весь город знал. Бывший склад на территории Орехов, переоборудованный под командный центр. Туда ходили патрули, оттуда выходили патрули. Туда бабушки приносили пироги в июне, в день памяти павших. Туда не пускали журналистов.

Но Дарья не собиралась стучать в парадную дверь с микрофоном. Она собиралась пойти с вопросами.

Она выехала в восемь. Метро до станции, потом пятнадцать минут пешком. Сумка через плечо, блокнот, диктофон — на всякий случай. Очки она поправляла реже: с каждой минутой ближе к цели нервозность не росла, а кристаллизовалась во что-то плотное, сосредоточенное.

Район Орехов вечером был тихий. Не мёртвый — тихий. Люди шли домой, магазины ещё работали, но воздух был другой: будто кто-то выключил звук на пол-ноты. Дарья заметила, что на скамейках не сидели так, как в центре — не парами, не группами. По одному. Молча. И все провожали её взглядом. Не враждебно. Внимательно.

Первый патруль она увидела за два квартала до штаба. Двое в чёрных куртках, эмблема Ночного Грома на груди, на спине — солдат с автоматом на фоне огня. Новая эмблема, легальная. Один из бойцов кивнул ей, второй даже не посмотрел. Они шли ровно, не быстро, не медленно — и от этой ровности Дарье стало не по себе. Не страх. Ощущение, что она вошла в чужую комнату без стука.

Штаб стоял в глубине квартала, за невысоким забором с КПП. Бывший склад, переделанный. Снаружи — ничего особенного. Кирпич, бетон, табличка «Ночной Гром» с молнией. У входа — двое с автоматами. Камеры по периметру. Дрон, еле заметный, чертил круг над крышей.

Дарья остановилась в двадцати метрах от КПП. Достала телефон, сделала вид, что пишет сообщение. На самом деле — смотрела. Считала камеры. Четыре на заборе, одна над дверью, одна на углу. Боец у КПП — не просто стоит, а периодически трогает наушник. Рация.

Она убрала телефон. Подошла к КПП.

- Добрый вечер, - сказала она ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - Меня зовут Дарья Соколова. Я журналист, информационное агентство «Столица». Хочу задать несколько вопросов по поводу ночной активности беспилотников над северным сектором.

Боец у КПП молодой, стриженный, с серьёзным лицом посмотрел на неё сверху вниз. Потом на её сумку. Потом на её бейдж, который она вытащила из кармана и держала на уровне груди.

- Журналист? - переспросил он, будто пробовал слово на вкус.

- Да. Информационное агентство «Столица».

Боец не шелохнулся. Второй, стоявший чуть поодаль, чуть повернул голову — единственный знак того, что он вообще слышал.

- Здесь не дают интервью, - сказал первый.

- Я не прошу интервью. У меня несколько вопросов. Если не можете ответить передайте кому-то, кто может.

Боец посмотрел на неё ещё секунду, потом поднял руку к наушнику. Сказал что-то короткое — Дарья разобрала только «пресс» и «Столица». Потом опустил руку и посмотрел на неё.

- Подождите.

Она ждала двадцать минут. Стояла у КПП, переминаясь с ноги на ногу, делала вид, что изучает окрестности. На самом деле — слушала. За забором кто-то ходил, что-то лязгало — может, тренажёры, может, оружие. Дрон над крышей сделал ещё один круг.

Через двадцать минут дверь КПП открылась. Вышел боец — постарше, строже, с нашивкой, которую Дарья не видела раньше: силуэт птицы, вроде филина.

- Соколова? - спросил он.

- Да.

- Следуйте за мной. Без телефона. Без диктофона. Блокнот можно.

Дарья молча отключила телефон, убрала в сумку. Диктофон — туда же. Блокнот оставила. Боец кивнул и пошёл впереди.

Её вели через двор. Дарья успела заметить спортплощадку — манекены, груши, полосу препятствий. Чёрный след от ботинок на бревне. Запах пота и металла. Потом — дверь, коридор, поворот, ещё один. Стены из голого бетона. Лампы под потолком — яркие, безжалостные.

Её привели в комнату. Небольшую, функциональную. Стол, четыре стула, окно с матовой плёнкой. На столе — графин с водой и один стакан. Боец указал на стул.

- Сядьте. Кто-нибудь подойдёт.

Дверь закрылась. Дарья осталась одна.

Она сидела минут десять. Успела открыть блокнот, написать дату, время, место. Потом — подчеркнуть пункт первый. «Чьи дроны?»

Дверь открылась без стука.

Вошёл мужчина. Невысокий, жилистый, с короткой стрижкой и лицом, которое, казалось, высекли из того же бетона, что и стены. Гл цепкий, цепкий, серый. На нём была чёрная куртка с эмблемой Ночного Грома, но без нашивок с именем.

- Соколова? — спросил он, не садясь.

- Да.

- Лесник, -сказал он, будто это всё объясняло. - Мне сказали, у вас вопросы по дронам.

Дарья кивнула. Руки не тряслись — она их сжала под столом.

- Да. Ночью над северным сектором были зафиксированы три беспилотных аппарата. Видеозапись опубликована в сети. Характеристики аппаратов указывают на возможное военное назначение. Я хочу понять, кто их запускал.

Лесник посмотрел на неё. Не мигая. Потом сел напротив, откинулся на спинку стула.

- Вы уже написали статью, - сказал он. Не вопрос утверждение.

- Да. Без указания принадлежности. Мы написали «аппараты неустановленной принадлежности».

- Я читал, - кивнул Лесник. Дарья моргнула. - Вы хорошо написали. Аккуратно. Без истерики. Редкость.

- Спасибо.

- Это не комплимент. Это оценка. - Лесник чуть наклонил голову. — Ваша статья не содержит ни одного ложного утверждения. И ни одного истинного. Это… умно. И опасно.

Дарья открыла рот, но Лесник поднял руку — тот же жест, что она видела у Гущина, но здесь он значил другое.

- Я не уполномочен давать комментарии. Я технарь. Я летаю на дронах и паяю платы. Но я передам, что вы приходили. И что у вас есть вопросы.

- Кому передадите?

- Кому следует, - Лесник встал. - Вам не стоит приходить сюда снова без приглашения. Это не угроза. Это правило. Если захотят ответить — найдут вас сами.

Дарья тоже встала.

- Один вопрос, - сказала она быстро, пока он не вышел. - Дроны над северным сектором это патруль или разведка?

Лесник остановился у двери. Повернул голову — не всё тело, только голову, как сова. Посмотрел на неё.

- Вы умная, Соколова, - повторил он. - Но умные люди задают опасные вопросы. Разница между патрулём и разведкой — это разница между «всё спокойно» и «что-то будет». Вам правда хочется знать, что будет?

Дарья сглотнула. Кивнула.

Лесник помолчал. Потом открыл дверь и, не оборачиваясь, сказал:

-Патруль летает по маршруту. Разведка туда, куда нужно. Делайте выводы.

Дверь закрылась.

Дарью вывели тем же путём. У КПП тот же боец с нашивкой-филином кивнул ей и сказал:

- Вышли и забыли дорогу.

Дарья ничего не ответила. Она вышла за забор, прошла квартал, свернула за угол и только тогда достала блокнот. Руки не тряслись — но пальцы двигались быстро, почти с лихорадочной точностью.

Записи после визита:

Штаб Ночного Грома — охраняется серьёзно. Камеры, дроны, КПП, радиосвязь. Не показуха.

Меня принял человек по имени Лесник. Техник. Не пресс-служба — прессслужбы нет.

Лесник читал мою статью до моего прихода. Значит, они мониторят СМИ.

Лесник сказал: «Патруль летает по маршруту. Разведка — туда, куда нужно». Это подтверждение. Не прямое, но подтверждение.

Дроны над северным сектором — разведка. Не патруль.

Вопрос: зачем Ночному Грому разведка над районом, который они уже контролируют? Что там такого, чего они не знают?

Северный сектор = бывшие Питерские. Руины. Заброшенные склады. Город о них забыл. Ночной Гром — нет.

Вывод: в районе бывших Питерских что-то происходит. Ночной Гром это знает. И отправил дроны посмотреть.

Что именно они ищут?

Она подчеркнула последний вопрос дважды.

Потом закрыла блокнот и убрала в сумку. Метро. Дом. Завтра — новый день. Новые вопросы.

Но один ответ у неё уже был. Не для статьи. Для себя.

Ночной Гром не патрулировал северный сектор. Ночной Гром его разведывал. А разведывают не для того, чтобы смотреть. Разведывают для того, чтобы действовать.

В кабинете Волка

Макс стоял у окна, когда Кравцов вернулся. Не во второй раз — в первый. После того как советник ушёл, Волк вызвал его обратно. Не сразу. Через полчаса. Хватило времени, чтобы подумать, остыть и принять решение.

Кравцов вошёл быстрее, чем в первый раз. Не потому что торопился — потому что уже знал дорогу. Оружие снова оставил за дверью. На этот раз без напоминания.

Макс стоял у карты, сложив руки на груди. Кирилл сидел за столом — его вызвали первым, он знал о визите Кравцова, но не знал деталей. Егоров стоял у стены, сложив руки за спиной. Лесник — в углу, с ноутбуком на коленях.

- Дмитрий Анатольевич, - Макс не обернулся. - Садись.

Кравцов сел. Посмотрел на присутствующих каждого оценил за секунду. Потом повернулся к Максу.

- Ты хотел поговорить про СМИ, - начал Кравцов.

- Я хотел поговорить про то, что нас засветили, - Макс повернулся. Голос был ровный, но в нём чувствовалась тяжесть, как в основании стены. - Три дрона. Ночь. Над северным сектором. Кто-то снял с балкона. Выложил в сеть. Набрало сорок тысяч просмотров. И что сделал твой город?

Кравцов чуть наклонил голову:

- Город? Информационное агентство «Столица» выпустило статью. Аккуратную. Без наших имён. «Беспилотники неустановленной принадлежности». Я читал. Там ничего нет.

- Там ничего нет, - повторил Макс. - Именно. Ничего. Но все и так знают.

Он подошёл к столу и положил ладонь на карту прямо на район «Бывшие Питерские».

- Дмитрий Анатольевич. Я запускаю дроны ночью. Над районом, где, возможно, сидит человек, который полтора года назад пытался захватить мой город. Я делаю это тихо. На большой высоте. С расчётом, что никто не увидит. И что происходит? Кто-то с балкона на двадца-

том этаже снимает мою разведку на телефон и выкладывает в интернет. Сорок тысяч просмотров за три часа.

Кирилл молча смотрел на брата. Егоров тоже. Лесник поднял голову от ноутбука — впервые за весь разговор.

- А потом, - Макс чуть повысил голос, - приходит журналистка. Стучится в мой КПП. Спрашивает: «Чьи дроны?» Пресс-службы у нас нет — я не нанимал пресс-секретарей, я нанимал бойцов. Лесник поговорил с ней, потому что больше некому. И что он сказал? Что он сказал, Лесник?

Лесник посмотрел на него, потом на Кравцова.

- Я сказал, что не уполномочен давать комментарии. Передал, что вопросы будут переданы. И сказал ей не приходить без приглашения.

- И ещё? - Макс не отвёл глаз.

Лесник помедлил.

- Она спросила: патруль или разведка. Я сказал: «Патруль летает по маршруту. Разведка туда, куда нужно».

Тишина.

Кирилл медленно повернулся к Леснику. Егоров закрыл глаза. Кравцов замер.

- Ты сказал журналистке, что это разведка? - Макс произнёс это тихо. Очень тихо. Красный отблеск мелькнул в зрачках и не погас.

- Я не сказал «разведка», - Лесник не отвёл взгляда. - Я сказал: «Делайте выводы». Она умная. Она сделает.

Макс стоял неподвижно. Секунда. Две. Три. Потом медленно кивнул.

- Она и так бы сделала, - сказал он. - Это не оправдание, Лесник. Но это факт. Она пришла с ответом, а не с вопросом. Разница.

Он повернулся к Кравцову:

— Вот что меня беспокоит, Дмитрий Анатольевич. Не дроны. Не балкон. Не видео. Меня беспокоит, что я провожу секретную операцию, а город знает о ней раньше, чем я успеваю получить первый отчёт. Это не секретность. Это фарс.

Кравцов поднял руку — жест, который он, видимо, отрабатывал на совещаниях в мэрии.

- Макс, давай по порядку. Статья в «Столице» аккуратная. Без имён. Без обвинений. Журналистка пришла — её не пустили дальше приёмной. Никакой информации она не получила — кроме того, что ей сказал ваш техник.

- Который намекнул ей на разведку, - вставил Кирилл.

- Который намекнул ей на то, что она уже знала, — возразил Кравцов. - Вы сами сказали: она пришла с ответом. Значит, она уже всё поняла. В статье не написано «Ночной Гром». В комментариях да. Но комментарии это не СМИ.

- Комментарии - это народ, - сказал Макс. - А народ это то, ради чего я здесь стою. Если народ знает, что Ночной Гром запустил дроны, и администрация молчит, и ФСБ молчит, и мы молчим — что подумает народ?

Кравцов помолчал.

- Подумает, что Ночной Гром что-то ищет, - сказал он наконец.

- Вот, - Макс ткнул пальцем в стол. - Именно. И если кто-то сидит в руинах Питерских и следит за новостями — а тот, кто там сидит, точно следит — он тоже подумает. И поймёт, что его увидели. А если поймёт, что его увидели — или уйдёт, или ускорит то, что готовит. И то, и другое плохо.

Кравцов откинулся на спинку стула.

- Что ты предлагаешь?

- Я предлагаю, - Макс обвёл взглядом всех в комнате, - чтобы администрация города выпустила официальное заявление. Не про Ночной Гром. Про дроны. «Беспилотные аппараты

над северным сектором — плановый мониторинг городской инфраструктуры». Всё. Скучно. Спокойно. Никаких военных, никаких имён. Пусть люди думают, что это муниципальные дроны проверяют трубы или крыши.

Кравцов моргнул.

- Ты хочешь, чтобы администрация прикрыла вашу военную разведку?

- Я хочу, - Макс наклонился вперёд, - чтобы город не запаниковал. А прикрытие побочный эффект. Главная цель тишина. Тот, кто в руинах, должен думать, что его не видят. А если вся страна обсуждает дроны над Москвой — он не будет так думать.

Кравцов посмотрел на Кирилла, на Егорова, на Лесника. Все молчали.

- Макс, - Кравцов заговорил медленно, взвешивая слова, - я могу выпустить заявление. Но это не решит проблему журналистки. Она уже была здесь. Она уже задала вопросы. Она уже сделала выводы. Она вернётся.

- Она вернётся, - кивнул Макс. - И когда вернётся, я поговорю с ней сам.

- Ты? - Кирилл чуть подался вперёд.

- Я, - Макс выпрямился. - Она пришла в мой дом с вопросами. Она получила половину ответа от Лесника. Она заслуживает второй половины. Не всей половины. Достаточно, чтобы перестать копать. Недостаточно, чтобы написать то, что навредит.

- А если не перестанет? - спросил Егоров.

Макс посмотрел на него.

- Тогда я скажу ей правду. Не всю. Но достаточно, чтобы она поняла одну вещь: Ночной Гром не враг этого города. Ночной Гром его щит. И если щит что-то ищет значит, есть от чего защищать.

Кравцов встал. Поправил пиджак.

- Я выпущу заявление до утра. «Плановый мониторинг городской инфраструктуры». Как просил. Но, Макс…

- Что?

- Если это Громов журналистка не твоя главная проблема. Твоя главная проблема — тот, кто готовится в руинах, пока вы тут спорите о прессе.

Макс не ответил. Кравцов кивнул и вышел.

В комнате повисла тишина. Потом Кирилл сказал:

- Брат. Журналистка. Ты серьёзно?

- Абсолютно, - Макс сел в кресло. - Она умная. Она молодая. Она не циничная. И она уже на правильном пути. Если я не поговорю с ней — она докопается сама. И тогда она напишет то, что я не смогу контролировать. А если я поговорю — я дам ей ровно столько, сколько нужно. Чтобы она написала то, что поможет. Не навредит а поможет.

- Поможет чему? - спросил Егоров.

- Поможет городу понять, - Макс посмотрел на каждого, - что Ночной Гром не прячет что-то плохое. Ночной Гром ищет то, что плохо для всех. И когда найдёт — уберёт. Как всегда.

Лесник закрыл ноутбук.

- Я найду её, - сказал он. - Соколова. «Столица». Она придёт сама, когда поймёт, что ей есть что спросить. А если не придёт я передам, что её ждут.

- Не угрожай, - резко сказал Макс. - Приглашай.

- Я не угрожаю, - Лесник встал. - Я приглашаю. Просто у меня это так звучит.

Макс посмотрел на него. Потом впервые за весь вечер чуть усмехнулся. Коротко, одной стороной рта.

- Ладно. Иди. Дроны важнее.

Лесник кивнул и вышел. За ним — Егоров. Кирилл задержался.

- Брат, -сказал он тихо. - Ты уверен, что хочешь пускать журналистку к себе? После всего?

- Я не пускаю, - Макс откинулся в кресле. - Я встречаю. Разница.

- Разница?

- Пустить -значит впустить в дом. Встретить - значит выйти на порог. Она не войдёт. Она получит ровно то, что я скажу. Ни словом больше.

Кирилл помолчал. Потом кивнул и вышел, закрыв дверь за собой.

Макс остался один.

Он сидел в кресле, смотрел на карту. Пять районов. Пять крестов. Полгорода, которое он собрал по кускам. И где-то в одном из этих кусков — в руинах, которые город забыл, — кто-то стучал молотом по наковальне.

А где-то в городе в маленькой квартире, с очками в тонкой оправе и блокнотом полным вопросов — сидела девушка, которая уже знала больше, чем ей следовало.

Макс закрыл глаза.

- Громов, - прошептал он. - Куда же ты делся, майор?

Тишина.

За окном дрон чертил в небе ровную дугу. Город спал. Ночной Гром не спал.

Утро во вторник в редакции «Столицы» началось обычно. Кофе, телефоны, шарканье тапок тётушки Риты по linoleumy первого этажа. Дарья пришла в восемь, как всегда, — сумка через плечо, блокнот, очки, которые она поправила дважды по дороге от метро. Лифт на второй этаж. Коридор. Дверь с табличкой «Редакция отдела городских новостей».

Она толкнула дверь и замерла.

За её столом сидел Лесник. Рядом, у стены, — Егоров, руки за спиной, лицо каменное. У окна, скрестив руки на груди, стоял молодой парень в чёрной куртке с эмблемой Ночного Грома — Дарья видела его впервые, но по сходству с тем, кто стоял посреди комнаты, поняла: брат. Кирилл.

А посреди комнаты, между двумя стульями, которые кто-то сдвинул в сторону, стоял он.

Волк.

Макс.

Чёрная куртка. Эмблема на груди — солдат с автоматом на фоне огня. На спине — оскалившийся волк. През на левой руке чуть поблёскивал в свете утренних ламп. Лицо — высеченное, жёсткое, с глубокими тенями под глазами, будто он не спал не одну ночь. Глаза тёмные. Спокойные. И где-то там, на самом дне, — красный огонёк, который не горел, но и не гас.

Дарья застыла в дверях. Сумка соскользнула с плеча. Она поймала её рефлекторно, но блокнот выпал и шлёпнулся на пол.

Четверо бойцов Ночного Грома в её редакции. В восемь утра. В её отделе. На втором этаже здания информационного агентства «Столица».

Дарья почувствовала, как сердце ушло в пятки. Не метафора — физическое ощущение, будто что-то тяжёлое провалилось вниз и там застряло. Руки дрогнули. Очки — она поправила их машинально, уже не замечая.

Лесник первым нарушил тишину. Он повернулся на стуле — медленно, без резкости — и посмотрел на неё. То же лицо, что и тогда, в комнате для допросов. Бетонные стены, графин с водой, один стакан. Но сейчас в его взгляде не было холода. Было что-то другое — спокойная, усталая уверенность человека, который пришёл не пугать.

- Соколова, - сказал он ровно. - Доброе утро.

Дарья открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

- Что… - голос не слушался. Она сглотнула. - Что вы здесь делаете?

Лесник чуть наклонил голову — тот самый совиный жест, который она уже видела.

- Нас пригласили, - сказал он. - Точнее, мы пригласили себя. Но вежливо.

Дарья перевела взгляд на Макса. Тот не двинулся. Стоял, как вкопанный, и смотрел на неё — не угрожающе, не дружелюбно. Просто смотрел. Как смотрят на человека, которого изучают. От его взгляда хотелось отступить на шаг, но ноги не двигались.

Кирилл у окна чуть шевельнулся, но промолчал. Егоров вообще не повернул головы стоял, как статуя, и смотрел в точку на стене.

- Сядь, - сказал Макс.

Одно слово. Не приказ — но и не просьба. Скорее констатация: сейчас будет разговор, и лучше его слушать сидя.

Дарья подобрала блокнот с пола, прошла к свободному стулу у соседнего стола — её занял Лесник — и села. Ноги не держали. Она положила сумку на колени, как щит, и сжала блокнот.

Макс чуть повернулся к ней. Лесник, не вставая со стула, негромко сказал:

- Соколова, расслабься. Если бы мы пришли за тобой пришли бы ночью. И не вчетвером.

Дарья моргнула. Потом, несмотря на всё, чуть хмыкнула — нервно, коротко. Лесник увидел это и едва заметно кивнул: вот, мол, видишь, живая.

Макс обвёл взглядом редакцию. Журналисты — те, кто уже пришёл — замерли у своих столов, не решаясь шевелиться. Кто-то уронил кружку с кофе. Кто-то тихо потянулся к телефону, но Кирилл, не меняя выражения лица, чуть покачал головой. Телефон остался на столе.

- Это к вам не относится, - сказал Макс, обращаясь к редакции. Голос ровный, не громкий, но такой, что слышал каждый. — Мы поговорим и уйдём.

Он повернулся к Дарье:

- Соколова. Ты приходила ко мне. В штаб. Задавала вопросы. Лесник ответил - частично. Ты сделала выводы - правильные. И написала их не в статье, а в блокноте.

Дарья почувствовала, как холод прошёл по спине. Откуда он знает про блокнот?

- Я не читал твой блокнот, - сказал Макс, будто услышав вопрос. - Но я знаю тип людей. Ты не из тех, кто оставляет вопросы без ответа. Ты записала. «Три дрона. Ночь. Северный сектор. Тепловизор. Не патруль разведка. Кому?» Верно?

Дарья не ответила. Но её правая рука машинально прижала сумку плотнее. Макс заметил и чуть усмехнулся одной стороной рта, коротко.

- Я не враг, Соколова, - сказал он. - И не пришёл пугать. Я пришёл говорить.

Он кивнул на Лесника.

- Лесник сказал мне, что ты умная. Я ему верю в технике он не ошибается. В людях реже, но тоже неплохо. - Лесник никак не отреагировал на это, только чуть прищурился. - Так вот. Я даю тебе право задать вопросы. Мне. Не Леснику, не Филину, не Кириллу. Мне.

Дарья смотрела на него. Сердце всё ещё колотилось, но страх начал перетекать во что-то другое — сосредоточенность. Тот самый кристаллизованный фокус, который она чувствовала по дороге к штабу.

- Любые? - спросила она.

- Любые, - кивнул Макс. - Но ответы будут. Не все, что ты захочешь услышать. Но всё, что услышишь, сможешь написать.

Дарья посмотрела на Лесника. Тот чуть наклонил голову — едва заметно — и сказал тихо:

- Он не врёт, Соколова. Когда Волк говорит «любые» значит, любые. А когда говорит «сможешь записать» значит все.

Дарья перевела взгляд на Егорова. Тот наконец повернул голову и посмотрел на неё — цепким, оценивающим взглядом разведчика, который мерит человека на прочность. Потом чуть кивнул. Кирилл у окна сделал то же самое.

Четверо бойцов Ночного Грома в редакции. Волк разрешил вопросы. Лесник подтвердил: можно верить. Дарья медленно открыла блокнот. Руки не тряслись — впервые за всё утро. Перо зависло над чистой страницей.

Она подняла взгляд на Макса.

- Первый вопрос, - сказала она. - Дроны над северным сектором в ночь на третье сентября. Это были ваши?

Макс смотрел на неё. Тёмные глаза. Спокойные. И где-то там, на дне тлеющий огонёк, как уголёк в потухшем костре.

-Да, - сказал он. - Мои.

Дарья записала. Рука двигалась чётко, без дрожи. Она уже не боялась.

Дарья записала: «Да. Мои.» — и перевернула страницу. Перо не дрожало. Страх ушёл, оставив после себя обострённое чувство реальности: вот он, Волк, стоит в трёх метрах, разрешает спрашивать. Такое не повторится.

— Второй вопрос, — сказала она, не поднимая глаз от блокнота. — Зачем разведка над северным сектором? Это не патрульный маршрут. Я проверила. Ваши патрули ходят по пяти районам, но дроны раньше запускались только над Орехами и периметром бывших Московских Волков. Северный сектор — бывшие Питерские — в стандартной схеме отсутствует. Почему вдруг ночной запуск?

Макс чуть сдвинул вес с ноги на ногу. Протез тихо щёлкнул.

— Ты проверяла маршруты, — сказал он. Не вопрос.

— Да. По открытым данным. Ваша пресс-служба… — она запнулась.

— У нас нет пресс-службы, — подсказал Лесник сзади.

— Вот именно. Но патрульные маршруты видны — бойцы ходят по улицам, люди их замечают, фотографируют, выкладывают. Я собрала карту за два месяца. Северный сектор в ней отсутствует. До третьего сентября.

Макс молчал. Кирилл у окна чуть повернул голову — ему было интересно, как брат будет отвечать. Егоров стоял неподвижно, лицо каменное.

— Ты собрала карту, — повторил Макс. — За два месяца. Из соцсетей.

— Да.

— И сделала вывод, что северный сектор не входит в стандартный маршрут.

— Да.

Макс чуть наклонился вперёд. Не угрожающе — скорее, как человек, который собирается сказать что-то важное и хочет, чтобы его услышали правильно.

— А тебе не пришло в голову, Соколова, что если маршрут не виден — это не значит, что его нет?

Дарья моргнула.

— Некоторые маршруты не видны, — продолжил Макс. — Потому что они не для показухи. Патруль на улице — это для того, чтобы люди видели и чувствовали себя спокойно. А то, что летает на шестистах метрах в три часа ночи, — это не для людей. Это для меня.

— Но зачем над северным сектором? — Дарья не отступала. — Если это ваш район, если вы его контролируете — что там искать?

Макс выпрямился. Посмотрел на Лесника. Тот чуть кивнул — едва заметно, как сова.

— Соколова, — сказал Макс, — ты была в штабе. Видела КПП, камеры, дрон над крышей. Ты заметила, что я не прячу свою силу — я её показываю. Патрули на улицах, эмблемы на куртках, табличка на двери. Я легализован. Мне не нужно прятаться.

Пауза.

— Но есть вещи, которые я не показываю. Не потому что они плохие. Потому что их не нужно знать всем. Тот, кто знает всё — пугается. Тот, кто не знает ничего — спит спокойно. Я хочу, чтобы город спал.

Дарья записала быстро, почти не глядя на бумагу. Потом подняла голову:

— Это красивый ответ, Волк. Но это не ответ на мой вопрос.

Кирилл за спиной Макса издал звук — не то вздох, не то сдавленный смешок. Макс не обернулся, но уголки его губ дрогнули — на долю секунды.

— Ладно, — сказал он. — Вот тебе ответ. Не весь. Но достаточно. Северный сектор. Бывшие Питерские. Руины склада, который город забыл снести. Полтора года стоит, как гнилой зуб. Власти не трогают. Люди мимо ходят. Никто туда не заглядывает.

Он сделал шаг к карте на стене — редакционная карта Москвы, потёртая, с булавками. Палец лёг на север.

— Полтора года назад мы вычистили этот район. Питерские ушли. Серый — ушёл. Громов — исчез. Мы взяли город, навели порядок, легализовались. Всё чисто. Всё спокойно.

— И? — Дарья держала перо наготове.

— И две недели назад мне принесли информацию, что в этих руинах — кто-то есть.

Дарья замерла. Перо застыло на полпути к бумаге.

— Кто? — спросила она.

— Не знаю, — сказал Макс. — Именно поэтому я запустил дроны. Чтобы узнать.

— И узнали?

Макс помолчал. Это была не пауза для эффекта — Дарья видела: он решал, сколько сказать. Считал слова, как боеприпасы.

— Узнали достаточно, чтобы запустить ещё раз, — сказал он наконец.

Дарья записала. Потом посмотрела на него прямо:

— Третий вопрос. Кто такой Громов?

Тишина.

Лесник за столом чуть опустил голову. Кирилл у окна напрягся — Дарья заметила, как его кулаки сжались. Егоров не шелохнулся, но взгляд стал острее.

Макс смотрел на неё. Тёмные глаза. Спокойные. Красный огонёк не загорелся — но Дарья почувствовала, что он рядом, где-то под поверхностью, как огонь под пеплом.

— Где ты услышала это имя? — спросил Макс. Голос ровный. Но в нём появилась новая нота — тяжёлая, низкая, как гул натянутой струны.

— В комментариях под видео, — сказала Дарья. — И в разговорах. Люди обсуждают, что было полтора года назад. Упоминают Серого, Московских Волков, Ночной Гром. И Громова. Майор, который исчез. Которого никто не нашёл.

— И ты решила, что Громов связан с тем, что происходит в руинах? — Макс чуть наклонил голову.

— Я не решила. Я спросила. Это разные вещи, — Дарья поправила очки. — Вы сами сказали: задавайте любые вопросы. Это мой третий.

Макс не ответил сразу. Он отошёл к окну, повернулся спиной. Дарья видела оскалившегося волка на его спине — вышивка, красная нить на чёрной ткани.

— Громов, — сказал он, не оборачиваясь, — это человек, который полтора года назад стоял по другую сторону. Он был майор. У него были люди, оружие, связи. Он думал, что может взять этот город. Он ошибся.

— Он погиб? — Дарья держала перо над бумагой.

— Я не знаю, — сказал Макс. И в этих трёх словах Дарья услышала что-то, чего не ожидала: не раздражение, не холодность — усталость. Скрытую, глубокую, как трещина в фундаменте, которую не видно, но которая есть.

— Я не знаю, — повторил Макс. — Тело не нашли. Он ушёл из окна третьего этажа и исчез. Полтора года — ни слуха, ни следа. Может, погиб. Может, нет.

— А если не погиб?

Макс повернулся. Посмотрел на неё.

— Если не погиб — значит, он ждал. Полтора года. А тот, кто ждёт полтора года, ждёт не просто так. У него есть план.

— И вы думаете, что он в руинах? — Дарья записывала, но глаза были на Максе.

— Я не думаю, Соколова. Я проверяю. Дроны — это проверка. Не вывод.

Дарья кивнула. Четвёртый вопрос созрел мгновенно — он крутился в голове с того момента, как она увидела бойцов в редакции.

— Четвёртый вопрос. Почему вы пришли ко мне? Вы могли вызвать. Могли позвонить. Могли прислать Лесника с запиской. Но вы пришли сами. Вчетвером. В мою редакцию. В восемь утра. Зачем?

Макс посмотрел на неё иначе — не оценивающе, не настороженно. С чем-то похожим на уважение. Коротко, на секунду.

— Потому что ты не побоялась прийти ко мне, — сказал он. — В штаб. Одна. Без предупреждения. С блокнотом и вопросами. В восемь вечера, в район, где бабушки провожают взглядом каждого чужого. Ты постучала в КПП и спросила: «Чьи дроны?» Не многие на это способны.

— Я журналист, — сказала Дарья. — Это моя работа.

— Нет, — Макс покачал головой. — Твоя работа — писать. А приходить в чужой штаб ночью с вопросами — это не работа. Это характер. Я пришёл к тебе, потому что человек с характером либо станет врагом, либо станет союзником. Третьего не дану. Я не хочу, чтобы ты стала врагом, Соколова. Не потому что я тебя боюсь. Потому что ты можешь написать то, что навредит не мне — городу.

Дарья сглотнула. Перевернула страницу. Пятое — последнее. Она знала, что больше пяти — перебор. Знала интуитивно, как знала, когда остановиться в интервью.

— Пятый вопрос. Что вы хотите от меня?

Макс чуть усмехнулся. Коротко. Одной стороной рта.

— Прямой вопрос, — сказал он. — Люблю.

Он шагнул к ней. Не близко — на расстояние вытянутой руки. Дарья не отступила. Хотя всё внутри кричало: отступи.

— Я хочу, чтобы ты написала, — сказал Макс, и голос стал тише, но жёстче, — не про Ночной Гром. Не про дроны. Не про руины. Я хочу, чтобы ты написала про город. Про то, что город спит спокойно. Про то, что бабушки сидят на скамейках. Про то, что дочери возвращаются домой без страха. Про то, что полтора года назад тут стреляли, а сейчас — тишина. Напиши это.

— А если я напишу и про дроны? — спросила Дарья. — И про руины?

— Напишешь про дроны — город начнёт задавать вопросы. Зачем? Куда? Чьи? Администрация выпустит заявление — «плановый мониторинг», — и люди успокоятся. Но тот, кто в руинах, — он тоже прочитает. И поймёт, что его увидели. А мне нужно, чтобы он думал, что его не видят. Ещё немного. Совсем немного.

Дарья смотрела на него. Она понимала. Она ненавидела то, что понимала, — но понимала.

— Вы хотите, чтобы я молчала, — сказала она.

— Нет, — Макс покачал головой. — Я хочу, чтобы ты подождала. Молчать — это навсегда. Ждать — это временно. Когда я закончу — ты напишешь всё. Всё, что захочешь. Я дам тебе факты. Имена. Если нужно — интервью. Но потом. Не сейчас.

— Когда — потом?

Макс помолчал.

— Дни, — сказал он. — Может, недели. Не больше.

— А если я не соглашусь?

Макс отступил на шаг. Посмотрел на Лесника. Лесник поднял бровь — ту самую, совью. Потом на Кирилла. Кирилл чуть пожал плечами. Потом на Егорова. Егоров не шелохнулся.

— Если не согласишься, — сказал Макс, — ты напишешь то, что считаешь нужным. Я не буду тебе мешать. Не буду давить. Не буду угрожать. Но когда ты напишешь — произойдёт

то, чего я пытаюсь избежать. Кто-то в руинах поймёт, что его нашли. И либо уйдёт — и мы его потеряем. Либо ускорит то, что готовит. И тогда пострадают люди. Может, много людей.

Он замолчал. Тишина в редакции стала такой плотной, что Дарья слышала, как гудит лампа над головой.

— Я не могу обещать, что не напишу, — сказала Дарья. — Это моя профессия. Факты — это факты.

— Знаю, — кивнул Макс. — Поэтому я не прошу обещать. Я прошу доверять.

Дарья моргнула.

— Доверять кому? Вам?

— Мне, — сказал Макс. — И Леснику. Он тебя не обманул, когда ты пришла в штаб. Не обману и я.

Лесник за столом чуть наклонился вперёд. Посмотрел на Дарью.

— Соколова, — сказал он тихо. — Я сказал тебе: «Делайте выводы.» Ты сделала. И не написала. Это значит, что ты уже выбрала. Не сейчас — тогда, когда стёрла абзац про Ночной Гром. Ты уже решила ждать. Просто ещё не знаешь, зачем.

Дарья посмотрела на Лесника. Потом на Макса. Потом на свой блокнот — пять вопросов, пять ответов, страницы исписаны мелким почерком. Она медленно закрыла блокнот.

— Я подожду, — сказала она. — Но не ради вас. Ради города. Если вы правы и в руинах кто-то есть — я хочу, чтобы вы с этим разобрались. А когда разберётесь — я хочу первая об этом написать.

Макс смотрел на неё. Секунду. Две.

- Договорились.

Он протянул руку. Живую правую. Дарья посмотрела на неё, потом на него. Пожала. Рука была жёсткая, мозолистая, как у человека, который работает не только головой.

Макс кивнул. Развернулся. Кирилл отлип от стены. Егоров двинулся к двери. Лесник встал со стула, собрал ноут под мышку и, проходя мимо Дарьи, остановился на секунду.

- Гантелю всё-таки возьми, - сказал он тихо, так, что кроме неё никто не услышал. - Полезно для нервов. Проверено.

Дарья моргнула. Лесник уже шёл к двери.

Макс остановился в дверях. Не обернулся — повернул голову, как сова, ту же, что у Лесника. Семейное.

- Соколова. Один момент. Вчерашнее заявление администрации — «плановый мониторинг городской инфраструктуры». Ты видела?

- Видела.

- Хорошо написано? Дарья не нашлась что ответить.

- Скучно, - сказал Макс. — Идеально скучно. Кравцов постарался. - Пауза. - Когда всё закончится — ты напишешь лучше. Я в этом уверен.

И вышел.

Четверо бойцов Ночного Грома прошли по коридору редакции — чёрные куртки, ровный шаг, эмблемы на спинах. Тётушка Рита на вахте проводила их взглядом, потом посмотрела на Дарью, спустившуюся на первый этаж. Дарья была бледна, но спокойна. Очки сидели ровно — впервые за утро она их не поправила.

- Даша, - сказала тётушка Рита, - это кто был?

Дарья помолчала. Потом улыбнулась первый раз за день.

- Источник, - сказала она. - Очень важный источник.

И поднялась наверх. Села за стол. Открыла блокнот. Пять вопросов. Пять ответов. Страницы исписаны мелким, чётким почерком.

На чистой странице она написала:

«Ждать. Дни. Может, недели. Потом — первая.»

И подчеркнула дважды.

Потом убрала блокнот в сумку, открыла ноутбук, запустила черновик новой статьи. Не про дроны. Не про руины. Про город. Про то, что бабушки сидят на скамейках. Про то, что дочери возвращаются домой без страха. Про то, что полтора года назад тут стреляли, а сейчас — тишина.

Заголовок: «Тишина, которую стоит беречь.»

Без вопросительного знака. Спокойно. Утверждающе.

Как учили.

Время близилось к обеду. Лесник и Ворон сидели в мастерской — той самой, где паяльник, платы, кейсы с дронами. Но сейчас не паяли. Смотрели.

На экране ноутбука, подключённого к дрону с тепловизором, руины штаба Питерских дымились оранжевым. Термальная картинка — грубая, зернистая, но читаемая. Стены склада, провал крыши, груды бетона. И два оранжевых силуэта у главного входа. Стояли неподвижно, держа в руках что-то удлинённое.

- Смотри, - сказал Ворон, ткнув пальцем в правый нижний угол экрана. Палец дрожал но теперь он не обращал на это внимания. - Там. Двое.

- Охрана, - ответил Лесник, не отрывая глаз от экрана. - Двое с автоматами. Стоят по сторонам входа. Сменяются, скорее всего. Классическая схема два на входе, остальные внутри.

Ворон побледнел.

- То есть… это точно не бомжи?

- Бомжи не стоят по стойке «смирно» с оружием, Ворон. И не меняются посменно.

Лесник встал из-за стола, подошёл к окну. Руки убрал в карманы. Помолчал. Потом, не поворачивая головы, сказал:

- Зови Волка. Он должен это лично увидеть.

Ворон замер на стуле. Блокнот выскользнул из рук и шлёпнулся на пол. Он его не поднял.

- Волка? - переспросил он, и голос его, обычно негромкий, стал совсем тонким. - Лично?

- Лично, - повторил Лесник. - Что непонятного?

Ворон открыл рот. Закрыл. Сглотнул. Лесник, не оборачиваясь, видел его отражение в стекле — бледное лицо, бегающие глаза.

- Лесник, я… Может, ты сам ему покажешь? Запишешь на флешку, отправишь…

- Ворон. - Лесник повернул голову - только голову, как сова, - и посмотрел на него. - Ты боец Ночного Грома или курьер с доставкой?

- Боец.

- Тогда бойцы ходят ногами. Волк — два этажа и коридор. Ты дойдёшь. Может, по пути даже не упадёшь в обморок.

Ворон сжал зубы. Встал. Подобрал блокнот. Руки тряслись — да, тряслись, — но Лесник уже научил его не смотреть на них, а смотреть на задачу.

- А если он… - Ворон не договорил.

- Если он что? - Лесник чуть наклонил голову. — Съест тебя? Ворон, он тебя не съест. Ты ему не по зубам. Слишком жилистый.

Ворон моргнул. Потом, несмотря на всё - на страх, на дрожь, на два оранжевых силуэта на экране, - хмыкнул. Тихо, нервно.

- Иди, - сказал Лесник, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на добро. Просто подойди к двери, скажи: «Лесник зовёт. Дроны. Плохие новости.» Два слова, не больше. А если он спросит «какие» — скажи «приходите и увидите». Он поймёт.

Ворон кивнул, сжал блокнот и пошёл к двери. На пороге обернулся.

- Лесник.

- Что?

- А если он спросит, почему я пришёл, а не ты?

Лесник впервые за весь разговор повернулся к нему полностью. Посмотрел спокойно, без ухмылки.

- Скажи правду. Скажи: «Лесник сказал, что я дороже как курьер.» Он оценит.

Ворон фыркнул — и вышел.

Кабинет Волка. Два этажа вверх, коридор, поворот. Ворон шёл быстро, почти бежал, прижимая блокнот к груди. Каждый шаг отдавался стуком в висках. Бойцы в коридоре провожали его взглядом — кто-то кивал, кто-то не замечал. Ворон не видел никого из них. Он видел только дверь в конце коридора. Дверь, за которой сидел человек, от которого у него каждый раз подгибались колени.

У двери стоял боец из охраны. Увидел Ворона, чуть приподнял бровь.

- К Волку, - выдохнул Ворон. - Срочно. Лесник зовёт.

Боец посмотрел на него секунду, потом постучал. Два коротких удара.

Из-за двери — тишина. Потом:

- Кто? - голос Макса. Ровный. Тяжёлый. Ворон почувствовал, как сердце провалилось куда-то вниз.

Боец открыл дверь, заглянул:

- Лесник прислал. Говорит, срочно. Дроны, плохие новости.

Пауза. Две секунды. Три.

- Пусть заходит, - сказал Макс.

Ворон шагнул внутрь. Кабинет — карта на стене, стол, кресло. И он. Макс стоял у карты, сложив руки на груди. Тёмные глаза. Спокойные. И красный огонёк где-то на дне — не горел, но и не гас.

Ворон открыл рот. Сухость. Язык не слушался.

- Лесник… - начал он и запнулся. Сглотнул. - Лесник зовёт. Дроны. Плохие новости.

Макс смотрел на него. Не мигая. Ворон чувствовал, как по спине бежит холод, как руки сжимают блокнот так, что бумага мнётся.

- Он сказал: «Приходите и увидите», - добавил Ворон почти шёпотом.

Макс молчал ещё секунду. Потом чуть наклонил голову — и Ворон увидел, как в тёмных глазах мелькнул красный. Коротко. Как вспышка далёкой молнии.

- Веди, - сказал Макс.

Одно слово. Ворон развернулся и пошёл к двери, стараясь не бежать. Макс двигался за ним — бесшумно, только протез чуть скрипнул по бетону.

Ворон привёл Макса в мастерскую. Шёл впереди, не оборачиваясь — боялся оборачиваться. Боялся увидеть Волка за спиной, идущего в двух шагах, бесшумного, тяжёлого, как тень, от которой не убежать.

Лесник сидел за столом, когда они вошли. Не встал. Не обернулся. Только чуть повернул голову — совой, как всегда.

- Садись, - сказал он Максу, как будто что он был хозяином, а не Волк.

Ворон замер. Ждал, что Макс скажет что-нибудь — что-нибудь жёсткое, холодное. Но Макс ничего не сказал. Он подошёл к столу, отодвинул стул и сел. Молча. Лесник кивнул, как будто всё шло по плану, и повернул экран ноутбука к Максу.

На экране — руины. Термальная съёмка. Зернистая, оранжевая, но чёткая. Стены склада, провал крыши, груды бетона.

- Два разведчика на шестистах метрах, - начал Лесник ровно, без вступлений. - Тепловизор на трёхстах. Запущен в одиннадцать двадцать. Первый отчёт через восемь минут. Вот он.

Палец Лесника ткнул в правый нижний угол экрана. Два оранжевых силуэта. Стояли у главного входа в руины. Неподвижно. В руках — удлинённые предметы.

- Охрана, - сказал Лесник. - Двое. Автоматы. Стоят по сторонам входа, меняются каждые полчаса — я засёк по теплу. Один уходит внутрь, второй остаётся. Через тридцать минут — наоборот.

Макс молчал. Смотрел на экран. Лицо — неподвижное, высеченное, без единой лишней черты. Только глаза. Тёмные. И красный огонёк — теперь не на дне, а ближе к поверхности. Тлел.

Лесник нажал клавишу. Картинка сменилась — другой ракурс, сверху. Руины с высоты. И внутри — пять тёплых пятен. Разбросаны по складу. Два — у дальней стены, три — ближе к центру.

- Внутри - пять, - сказал Лесник. - Плюс двое снаружи. Итого семь. Может, больше — если кто-то в холодной зоне, тепловизор не возьмёт.

- Что делают? - спросил Макс. Голос - тихий, ровный. Но Ворон, стоявший у стены, почувствовал, как воздух в комнате стал плотнее.

- Двое у дальней стены работают. Руками. Периодически нагреваются значит, физический труд. Трое в центре сидят. Редко двигаются. Возможно, отдыхают. Возможно — на связи.

- Радиосканер?

Лесник переключил окно. График, почти плоский, с одним всплеском.

- Один сигнал. Короткий. Три секунды. Частота военная, закрытая. Не гражданская, не полицейская. Военная. Я не расшифровал — нечем. Но сам факт: кто-то вышел в эфир на три секунды и замолчал.

Макс чуть подался вперёд. Палец лёг на экран — на два силуэта у входа.

- Сменяются каждые полчаса, - повторил он.

- Да.

- Значит, дисциплина. Расписание. Не хаотичная охрана штатная.

- Именно, - кивнул Лесник.

Макс откинулся на спинку стула. Посмотрел на Лесника. Потом — на Ворона. Ворон вжался в стену, стараясь стать меньше. Макс задержал на нём взгляд — на секунду, не больше — и вернулся к Леснику.

- Это не мародёры, сказал Макс.

- Нет.

- Не бомжи.

- Нет.

- Военная форма. Автоматы. Дисциплина. Связь на закрытой частоте. Семь человек — минимум.

Макс помолчал.

- Громов, - произнёс он. Не вопрос - утверждение.

Лесник не кивнул и не покачал головой. Он сказал другое:

- Кто бы это ни был они там не первый день. Охрана по расписанию, работа внутри, связь в эфире. Это не разведка. Это база. Они окопались.

Макс смотрел на экран. Пять тёплых пятен внутри руин. Двое у входа. Оранжевые силуэты на фоне холодных стен — как угли в остывшем кострище.

- База, - повторил он. - В моих руинах. На моей земле.

Лесник закрыл ноутбук. Посмотрел на Макса — прямо, без отведения взгляда, как смотрел всегда. Лесник не боялся Волка. Никогда не боялся. Может, потому что знал его дольше всех. Может, потому что понимал: бояться нужно не того, кто страшнее, а того, кто непредсказуем. А Макс был предсказуем — в самом важном смысле. Он всегда делал одно и то же: защищал своих.

- Волк, - сказал Лесник. Голос ровный, без надрыва, но с тяжестью, как у человека, который долго думал и пришёл к выводу. - Надо штурмовать. Как можно скорее.

Ворон за стеной перестал дышать.

Макс не шелохнулся. Смотрел на закрытый ноутбук Лесника, на своё отражение в тёмном экране.

- Штурмовать, - повторил он.

- Да.

- Руины. Семь человек минимум. Военная подготовка. Оружие. Связь. И ФСБ, которое просило не лезть.

ФСБ просило не лезть два дня назад, возразил Лесник. Каждый день, что мы ждём — они укрепляются. Сегодня — охрана у входа. Завтра — посты по периметру. Через неделю — мины на подходах. А через месяц — они выйдут из руин сами. И тогда уже мы будем штурмовать не склад, а квартал.

Макс молчал. Лесник продолжил:

- Я знаю, о чём ты думаешь. ФСБ. Кравцов. «Не вмешиваться». Но подумай вот о чём: если ФСБ ведёт Громова — зачем ему база в руинах? Зачем охрана, работа, связь? Операция ФСБ — это тихо, чисто, без следов. А тут — молот по наковальне. Электричество. Машины без номеров. Это не операция. Это строительство. Они там что-то строят, Волк. И если мы не зайдём, пока они не достроили — потом будет дороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.